

---

А. А. ШАЙКИН

«ОСТАВИМ ВСЕ, КАК ЕСТЬ...»

(по поводу современных интерпретаций убийства Бориса и Глеба)

В 1015 г. по смерти Владимира Святославича его дети вступили в борьбу за киевский стол. В ходе борьбы четверо из них лишились жизни. Борис и Глеб проявили себя так, что вскоре были признаны русской, а затем и всей православной церковью святыми. События, последовавшие за смертью Владимира, запечатлены в нескольких русских произведениях и в ставшей известной у нас с середины XIX в. исландской саге — так называемой «Пряди об Эймунде».

Около 900 лет убийцей Бориса и Глеба считался их старший брат Святополк, прозванный Окаянным. В 1957 г. была опубликована работа, подвергшая сомнению традиционную версию событий 1015—1019 гг. В «Пряди об Эймунде» варяги Ярицлейва убивают Бурицлава. Поскольку два других эпизода военных столкновений Ярицлейва и Бурицлава в саге кое в чем напоминают известные по русским источникам столкновения Ярослава и Святополка, то под Бурицлавом обычно подразумевали Святополка, позднее в Бурицлаве одновременно со Святополком стали видеть и другого врага Ярослава — польского князя Болеслава. Н. Н. Ильин, усмотрев сходство в сценах убийства Бурицлава в саге и Бориса в русских текстах, увидел в Бурицлаве еще и Бориса и высказал мнение, что Борис был убит варягами, служившими в это время у Ярослава. Надо отметить, что переадресовку убийства Н. Н. Ильин осуществляет без особой уверенности и внятности. Во-первых, следуя саге, Н. Н. Ильину приходится изъять событие из 1015 г. — даты всех русских источников — и перенести его в 1018 г., так как в саге убийство Бурицлава (следуя старой транскрипции, Н. Н. Ильин называет его Бурислейфом) завершает череду его военных столкновений с Ярицлейвом, происходивших на протяжении трех лет (в саге нет прямых хронологических дат, но подсчет лет и зим между началом службы Эймунда и Ярицлейва-Ярослава до убийства Бурицлава дает период примерно в три года). Во-вторых, убийство Бориса в работе Н. Н. Ильина оказывается чем-то случайным: нет ответа на вопрос «зачем», «с какой целью». В 1018 г., когда польский князь Болеслав двигался на Киев, он, по Н. Н. Ильину, располагал отрядом печенежской конницы. Далее предоставляем слово исследователю: «...Борис во главе небольшой дружины был в разведке и, не встретив

печенегов, возвращался обратно, когда его, как можно предполагать, настигла неожиданная смерть во время стоянки на Альте, в однодневном переходе до Киева, на подступах к последнему со стороны степи. Готовясь к выступлению в поход, Ярослав во избежание огласки поручил погребение Бориса убившим его варягам. 22 июля (1018 г. — *А. III*) он потерпел поражение на Буге, а 4 августа Болеслав вступил в Киев, и киевским князем сделался Святополк. Ярослав и вероятные виновники смерти Бориса бежали, унося тайну альтской трагедии». Вокруг этого, по оценке исследователя, «случайного эпизода, не оказавшего влияния на ход последующих крупных событий, складывалась религиозная легенда, и виновником смерти Бориса и Глеба был признан Святополк».<sup>1</sup>

По нашему мнению, этот «случайный эпизод» не только впечатан в русскую историю, но стал одним из тех, которые формируют менталитет нации.

Сага, впрочем, не дает поводов считать это убийство случайным или ошибочным. Эймунд, получив уклончивую санкцию Ярицлейва на убийство Бурицлава, переодетым проникает в его стан, лично выясняет расположение ложа князя в шатре, наконец, когда он приносит Ярицлейву отрезанную голову брата, Ярицлейв хотя и краснеет, но не говорит об ошибке: Эймунд убил того, кого надо. Н. Н. Ильин немало потрудился над тем, чтобы увидеть в Бурицлаве «всех тогдашних врагов Ярислейфа», в том числе и Святополка: «Святополк получает имя Бурислейфа (Болеслава)»,<sup>2</sup> и вот теперь оказывается, что Бурицлав — это еще и Борис.

Ярослав вел смертельную борьбу со Святополком и Болеславом, в убийстве Святополка он мог быть заинтересован, но чем мотивировать заинтересованность Ярослава в убийстве Бориса, даже если допустить, что Борис дожил до 1018 г., — на этот вопрос у Н. Н. Ильина ответа нет. Остается без ответа и то, кто же тогда убил Глеба? Ведь и это убийство, в таком случае, надо пересматривать.

Странности в работе Н. Н. Ильина встречаются. Так, связывая убийство Бориса в русских источниках с убийством Бурислейфа (Бурицлава) в саге, исследователь отмечает: «Само число убийц Борисовых „путьша, тальць, еловить, ляшько“ почти совпадает с группой из шести переодетых в купеческое платье **норманнов**, которые приняли непосредственное участие в нападении на Бурислейфа...». В другом месте своей работы Н. Н. Ильин писал: «...в корнях их чувствуется родство с древними **славянскими** словами: „путь, таль, словць

<sup>1</sup> Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа) М, 1957 С 168—169 Выше мы отметили отсутствие «внятности» в данном месте исследования в самом деле, речь выстроена так, что допускает участие Бориса на стороне Болеслава Именно так его понял, например, А С Хорошев « доказательствами, что Борис был союзником Болеслава в походе 1018 г, исследователь (Н Н Ильин — *А III*) не располагает» (Хорошев А С Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв) М, 1986 С 29)

<sup>2</sup> Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года С 141 См также с 94—95 Отождествление Бурицлава с Болеславом было проведено А И Лященко в работе 1926 г и поддержано современным специалистом «Замена < > понятна, тем более что имя „Бурицлав“ встречается в древне-скандинавской литературе» (Джаксон Т Н Исландские королевские саги о восточной Европе (первая треть XI в) Тексты, перевод, комментарий М, 1994 С 163)

и лях“ (выделено нами. — *А Ш.*)». Так норманнами или славянами были убийцы Бориса?<sup>3</sup>

Не будем сейчас касаться других спорных положений в работе Н. Н. Ильина, но отметим, что, так сказать, в лоб, непосредственно в убийстве Бориса он Ярослава не обвиняет — это как бы некая роковая случайность. Но со Святополка убийство снимается.

Следующий кирпичик в возникающую гипотезу положил М. Х. Алешковский. Он уже исходит из того, что Бурислейф — это Борис. Поначалу исследователь сомневается: «В саге, правда, имеется путаница с именами князей — враг Ярослава (Ярислейфа) назван не Святополком, а Бурислейфом (Борисом). Из этого, конечно, нельзя заключить, что Бориса убил не Святополк, а Ярослав, поскольку в русских летописях совершенно четко все действия Бурислейфа саги отождествлены с действиями Святополка».<sup>4</sup> В другой работе, указывая, что Ярослав не воспротивился тому, чтобы один из его внуков был назван Святополком, М. Х. Алешковский считает, что это стало возможным потому, что Святополк «либо не был еще предан церковному проклятию, либо <...> не был убийцей». И далее, наконец, совершенно определено: «Эймунд был дружинником Ярислейфа (Ярослава). И по его словам Ярислейф сражался не со Святополком, а... с Бурислейфом (т. е. Борисом). И убивают Борислейфа не посланцы Святополка, а сам Эймунд, посланный Ярославом».<sup>5</sup>

Основным аргументом М. Х. Алешковского является указание на то, что Ярослав и его дети не спешили давать своему потомству имена святых братьев, а внук Ярослава получил имя Святополка (кстати, Святополк Изяславич на рубеже XI—XII вв. стал великим киевским князем). О том, почему только у внуков Ярослава появляются имена Романа и Давида (крестильные имена Бориса и Глеба), надо бы спросить осведомленного священнослужителя. Имя же Святополка могло остаться в употреблении, так как деяния одного конкретного человека не обязательно компрометируют самое имя. Потребовались тысячелетия и авторитет Библии, чтобы имя Каина начало заменять слово «братоубийца». В случае же со Святополком обличительный пафос перешел на прозвище, в котором, кстати, фонетически проступает имя Каина: Окаянный или «Оканьный». Святополки же встречались и в конце XIX—начале XX в. (например, Святополк Мирский), есть они и сейчас.

<sup>3</sup> Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года. С 161 и 117. Можно, конечно, сказать, что в первом случае речь идет только о количестве нападающих, но в самой фразе Борисовы убийцы у Н. Н. Ильина как-то отождествляются с норманнами (справедливости ради надо отметить, что хотя непосредственно в операции действительно участвовало только шестеро, остальные были при лошадях, тем не менее 12 варягов, выехавших охотиться на Бурицлава, плохо отождествляются с четырьмя убийцами русских текстов)

<sup>4</sup> Алешковский М. Х. Русские Глеборисовские энколпионы 1072—1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 121.

<sup>5</sup> Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 129—130.

Нельзя принять у М. Х. Алешковского некритическое, основанное лишь на звуковом сходстве отождествление Бурислейфа саги с историческим Борисом. Напомним, что современные специалисты считают более точной транскрипцию Бурислав (Е. А. Рыздзевская) или Бурицлав (Т. Н. Джаксон). У Снорри Стурлусона в «Саге об Олаве сыне Трюгтви» этим именем назван польский правитель, князь. В примечании сообщается: «Бурицлав — испорченное Болеслав. Но, по-видимому, польский князь Болеслав I Храбрый (922—1025) спутан здесь с его отцом Мешко, или Мечиславом I (около 960—992), польским князем, который правил и в стране вендов».<sup>6</sup> Но дело не в тех или иных звуковых соответствиях. Для переадресовки убийства надо полностью перечеркнуть показания всех русских источников, рассказывающих о борьбе Ярослава со Святополком и Болеславом и ничего не знающих о борьбе Ярослава с Борисом или Глебом. Вместе с русскими источниками придется отказать в достоверности и показаниям современника событий Титмара Мерзебургского, отразившего в своей хронике эпизоды русско-польского конфликта первой четверти XII в. Титмар, к нашему сожалению, специально русскими событиями не интересовался и об убийстве святых братьев не писал, но он знает и сообщает о борьбе польского Болеслава и его зятя Святополка с Ярославом, и ничего не пишет Титмар о борьбе Ярослава с Борисом или Глебом. М. Х. Алешковский на подобную ревизию древних источников не покушался и потому спрашивал: «Не перепутал ли Эймунд Святополка и Бориса? Или это сделал человек, записавший сагу в XIII веке? Вот здесь кончается исследование и начинается гадание...».<sup>7</sup> Как видим, М. Х. Алешковский готов отступить, однако зерно сомнений брошено. Выходы не заставили себя долго ждать.

А. С. Хорошев, вскрывший кое-какие из слабых мест в аргументации Н. Н. Ильина и М. Х. Алешковского, сам явился творцом таких построений в трактовке событий после 1015 г., от которых дух захватывает. Святополк в союзе с Борисом (т. е. убийца в союзе с жертвой) выступают против Ярослава, состоящего в союзе с Глебом. При этом Ярослав убивает Бориса, а Святополк — Глеба, а уж только затем Ярослав устраняет Святополка. Так святые братья оказываются врагами (благо что исследователь не делает Бориса убийцей Глеба, или наоборот).<sup>8</sup> Такие альянсы и комбинации не основаны почти ни

<sup>6</sup> Снорри Стурлусон Круг земной М, 1980 С 644 См также с 111, 112, 115, 119, 154, 155, 157

<sup>7</sup> Алешковский М Х Повесть временных лет С 131 Кстати, А С Хорошев вскрыл одно внутреннее противоречие в построении М Х Алешковского Выше мы видели, что Н Н Ильину для согласования с сагой пришлось перенести убийство Бориса на три года — в 1018 г М Х Алешковский же считает сведения саги записью рассказа очевидца событий 1015 г «Если в саге отражены события 1015 г, — резонно спрашивает А С Хорошев, — то с кем борется Ярослав после 1015 г?» (Хорошев А С Политическая история С 27)

<sup>8</sup> Впрочем, вражда братьев все же обнаружена Летопись сообщает, что при переносе мощей святых братьев в 1072 г рака Глеба застряла в дверях А С Хорошев полагает, что «в этом моменте переплетено многое Глеб „протестует“ против помещения его рядом с возможным политическим противником — ростовским князем Борисом, Глеб „негодует“ на то, что его культ отодвигают на второе место » и т д (Хорошев А С Политическая история С 33)

на чем, кроме логических допущений,<sup>9</sup> а на этом уровне — была бы охота — можно выстроить большое количество версий,<sup>10</sup> что, впрочем, осознает и сам исследователь, допускающий их «гипотетичность».<sup>11</sup> Однако историки удивительно легко идут на такого рода гипотезы. По смелой мысли А. Б. Головки, Борис вступил в союз с печенегами и напал на Киев. Основанием сенсационного утверждения является лишь то, что в саге об Эймунде Бурислейв с «бьярмицами» нападают на «город». Город в саге безымянен, хотя сага знает и различает Кэнугард=Киев, Хольмгард=Новгород, Палтескью=Полоцк; названиями этими может обозначаться как город, так и «земля», княжество. До этого нападения Борис должен был проиграть Киев Ярославу, и А. Б. Головка уверенно говорит об этом. Теперь же, т. е. «летом 1017 г., Ярославу удалось отбить нападение противника на Киев (имеется в виду Борис с печенегами. — *А Ш.*), а несколько позже Борис погиб от рук варягов, подосланных новым киевским князем (то бишь Ярославом. — *А Ш.*)». Все это ввиду отсутствия положительных фактических аргументов — «историческая фантастика», приемлемая в беллетристике, но не в исследовании.<sup>12</sup> «Прядь об Эймунде», кстати, нигде не говорит о захвате Ярославом Киева.

Автор изданных большим тиражом курьезов Г. М. Филист подхватывает самые сомнительные позиции А. С. Хорошева и А. Б. Головки. У него Борис во главе отряда печенегов (поэтому будто бы варяги Эймунда и принимают его за главное лицо в стане противника) сражается на стороне Святополка против Ярослава, заключившего союз с Глебом. При этом почвой столкновений оказываются религиозные противоречия: «Борис, Святополк, Святослав (по летописи, древлянский князь. — *А Ш.*) и Судислав (один из самых младших сыновей Вла-

<sup>9</sup> Единственным основанным на реалиях аргументом являются, кажется, археологические изображения В Л Янина о «двузубцах» и «трезубцах», позволяющие А С Хорошеву толковать борьбу Ярослава со Святополком как борьбу старшей и младшей ветвей в княжеском роду (Хорошев А С Политическая история С 31—32)

<sup>10</sup> Одной из таких версий является допущение, что Святополк в 1015 г — регент при Владимире (Там же С 30) Эта версия оказалась подхвачена и развита другими авторами например, жуткую картину «политической сделки, по условиям которой Святополк остался при Владимире или наоборот», со ссылкой на А С Хорошева, нарисовал Г М Филист Филист Г М История «преступлений» Святополка Окаянного Минск, 1990 С 31, см также Толочко П П Древняя Русь Очерки социально-политической истории Киев, 1987 С 70 Между тем Титмар Мерзебургский сообщает, что в это время Святополк находился под арестом из-за заговора против Владимира по наущению Болеслава «Упомянутый король (т е Владимир — *А Ш.*), узнав, что его сын по наущению Болеславу (sic! — *А Ш.*) намерен тайно против него выступить, схватил того [епископа] вместе с этим [своим сыном] (Святополком — *А Ш.*) и [его] женой и заключил каждого в отдельную темницу» (Н а з а р е н к о А В Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв Тексты, переводы, комментарии М, 1993 С 141 (Серия «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»))

<sup>11</sup> Хорошев А С Политическая история С 32 В целом версии А С Хорошева см Там же С 17—34

<sup>12</sup> Головки А Б Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XII вв Киев, 1988 С 23—25

димира. — А Ш.) отстаивали прежнюю (т. е. языческую. — А Ш.) религию, а Ярослав и Глеб были ревнителями новой». На чем основывается Г. М. Филист, выстраивая такие оппозиции, неизвестно,<sup>13</sup> тем более, что о Святославе древлянском аутентичные источники сообщают лишь то, что он был убит Святополком, а о Судиславе — только то, что Ярослав всю жизнь продержал его в заточении. Ни о каких религиозных предпочтениях в летописях речи не идет.<sup>14</sup> Что касается главной темы — убийства Бориса, то здесь методика Г. М. Филиста предельно проста: он пересказывает «Прядь об Эймунде», подставляя вместо Бурислейфа Бориса. Вслед за Н. Н. Ильиным (но без ссылки на него) Г. М. Филист переносит убийство в 1018 г.<sup>15</sup> Без дальних объяснений автор отказывается в какой бы то ни было фактической достоверности и ценности русским «Сказанию о Борисе и Глебе» и летописным текстам и безусловно доверяет саге об Эймунде (это не мешает автору восторгаться случаями совпадения сведений в русских и скандинавских источниках, не замечая, что тем самым он впадает в противоречие с самим собой: если русские источники не заслуживают доверия, то совпадения с ними должны компрометировать и сопоставляемый источник, т. е. «Прядь об Эймунде»). Глеба, по Г. М. Филисту, убили жители Мурома, противясь насаждаемому им христианству<sup>16</sup> (гипотеза такого рода, основанная на тексте XV в., где рассказывается, что князь был вынужден жить в особом лагере вдали от города (Мурома), бродит в научных работах<sup>17</sup>). Полемицировать с курьезами Г. М. Филиста смысла нет, его книжка имеет скорее публицистический (и, может быть, развлекательный), нежели научный характер.<sup>18</sup>

Одним из последних в качестве хулителя Ярослава выступил И. Н. Данилевский: в изданном курсе лекций интересующей нас теме посвящено специальное Приложение под названием «Ярослав, Святополк и летописец».<sup>19</sup>

Исследователь, как и его предшественники, начинает с вопросов, должных изобличить древнерусских авторов в намеренных умолчаниях и искажениях

<sup>13</sup> Существует сомнительное известие Иоанна Длугоша о выступлении Святополка и Бориса в 1014 г. против Ярослава (см. об этом Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники С 175, примеч. 66), но у создателей сенсационных альянсов нет ссылок и на Длугоша.

<sup>14</sup> Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного С 63. Кстати, Святослава, по Г. М. Филисту, убил не Святополк, как об этом говорится в летописях («Святополк же оканый и злый уби Святослава, послав ко горе Угорьстей, бежашю ему в Угры» — ПВЛ С 94), а опять же Ярослав. См. Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного С 41, 67. О прочих удивительных «открытиях» см. Там же С 58, 62, 63, 70 и др.

<sup>15</sup> Там же С 73—75.

<sup>16</sup> Там же С 77.

<sup>17</sup> См. Ильин Н. И. Летописная статья 6523 года С 156.

<sup>18</sup> Книжка Г. М. Филиста вызвала небольшую полемику на страницах журнала «Родина». В 1992 г. об этой работе сочувственно отозвался Дм. Степанов (№ 2 С 68), в 1994 г. с резким протестом под названием «Клевета» выступил В. Кожин (№ 2 С 66—67) и более сдержанно — О. Рапов (Там же С 69).

<sup>19</sup> Древняя Русь глазами современников и потомков (XI—XII вв.) М., 1998 С 336—354 (далее ссылки на это Приложение в тексте в скобках Данилевский С).

действительных событий В общем плане хотелось бы напомнить, что летопись — не протокол следователя, в нее попадает только нечто безусловно значимое с точки зрения средневекового религиозно мыслящего автора, здесь не приходится ожидать житейских подробностей и, если они проникают в повествование, то это, скорее, исключение, подтверждающее правило. Еще большей избирательностью отличаются агиографические тексты — «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение» Нестора.

Свои разоблачения летописи И. Н. Данилевский начинает с указания на то, что имя Святополка, однажды появившись в летописном перечне распределенных сыновей Владимира по княжениям, затем, дескать, «исчезает со страниц летописи на добрые четверть века. И лишь после внезапной кончины Владимира 15 июля 1015 г. туровский князь „всплывает“ из летописного небытия» (Данилевский. С. 337). Такое замалчивание представляется исследователю подозрительным. Откроем летописи<sup>20</sup> за соответствующие годы. Впервые Святополк упоминается в перечне сыновей Владимира под 980 г.: «от грекине — Святополка» (имеется в виду «родил от ..»); второй раз в перечне сыновей в порядке их возрастного старшинства без указания матерей под 988 г. Здесь в разных летописях некоторые расхождения. НПЛ ставит Святополка третьим в списке, Ярослава — четвертым (С. 159), Лавр. называет Ярослава третьим, а Святополка четвертым (ПВЛ. С. 83), Ипат. возвращает Святополка на третье место, а Ярослав в старших списках Ипат. опущен вовсе, но, видимо, это случайный пропуск, ибо в следующих тут же перечнях распределения сыновей по княжениям имя Ярослава присутствует (Ипат. С. 164).<sup>21</sup> Колебания в расстановке связаны, видимо, с возрастной близостью Святополка и Ярослава и, кроме того, могут означать те или иные иерархические предпочтения летописцев. Тем не менее источники не оставляют сомнений в старшинстве Святополка.<sup>22</sup> После 988 г. Святополк действительно упоминается только в 1015 г. Но только ли Святополк? Ни один из сыновей Владимира до 1014 г. не упоминается, так что недоумение И. Н. Данилевского по меньшей мере некорректно. В 1014 г. упоминается Ярослав в связи с тем, что он решил на прямой кон-

<sup>20</sup> Приводим издания источников, которые далее будут цитироваться с сокращенными названиями и указанием страниц в скобках в тексте Сказание о Борисе и Глебе (далее — Сказ) / Подгот. текста, перевод и коммент Л. А. Дмитриева // БЛДР. Т. 1. XI—XII. СПб., 1997, «Чтение о житии и о погублении Бориса и Глеба» Нестора (далее — Чт.) по изданию Д. И. Абрамовича Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им Приготовил к печати Д. И. Абрамович Издание ОРЯС АН. Памятники древнерусской литературы. Вып. 2-й. Пг., 1916. С. 1—26. Используются три редакции «Жития Бориса и Глеба» Нестора «Тексты» в издании Зиборова В. К. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995, Новгородская первая летопись младшего извода (далее — НПЛ) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М., Л., 1950, Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (далее — ПВЛ) Повесть временных лет Ч. 1 и 2 М., Л., 1950, Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (далее — Ипат.) БЛДР. Т. 1. Издания ПВЛ в Полном собрании русских летописей цитируются особо.

<sup>21</sup> Ср. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1988 (репринт издания 1908 г.) Т. 2. Стб. 105.

<sup>22</sup> «Грекиня» и Рогнеда стали женами Владимира в один год, «грекиня» при этом уже была беременна Святополком, а Ярослав только третий сын у Рогнеды, поэтому, в любом случае, Ярослав должен быть года на два младше Святополка.

фликт с отцом, отказавшись платить Киеву урочное обложение. Кроме того, И. Н. Данилевский, должно быть, усматривает особый умысел летописца в том, что имени Святополка нет при перераспределении княжений после смерти Вышеслава. Во-первых, мы отмечали, что имя может выпасть случайно, как выпало имя Ярослава в Ипат., во-вторых, Святополк мог остаться там, где был, — в Турове, в-третьих, он мог перейти в Пинск: «Сказание» сообщает о княжении Святополка в Пинске (Сказ. С. 328). Летописец мог не отметить этого, потому что в XI в. Туров и Пинск как бы составляли пару (ср.: «...аше ти не займет град твоих Турова, и Пиньска, и прочих град твоих» — ПВЛ. С. 171). Словом, вовсе не обязательно видеть какой-то умысел в пропуске имени Святополка.

Следующий вопрос исследователи: «Неясно и то, как Святополк, княживший в Турове, в момент кончины Владимира Святославича оказался в Киеве» (Д а н и л е в с к и й. С. 339), и далее идут выкладки верст и суток, доказывающие, что из Турова поспеть к событиям даже «о дву конь» Святополк не мог. Нам неясно, зачем И. Н. Данилевский производил эти расчеты, ибо Титмар Мерзебургского он читал и знает, что в 1015 г. Святополк продолжал, скорее всего, находиться в заключение где-нибудь под рукой у Владимира, например, в Вышгороде, откуда поспеть в Киев нетрудно, как, например, сообщает об этом Нестор: «всede на коня и скоро доиде Кыева града, и седе на столе отца своего» (Чт. С. 7). Если исследователь хочет уличить в умолчаниях летопись, то и здесь косвенное указание все же есть: летописец отмечает присутствие Святополка в Киеве как нечто такое, что требует пояснения «бе бо Святополк Кыеве» (ПВЛ. С. 89).

Да, полной информации ни летопись, ни другие русские источники не дают, они не сообщают о женитьбе Святополка на дочери Болеслава Храброго, о сговоре Святополка с Болеславом против Владимира, аресте отцом сына, не упоминают и кое-каких других событий. С точностью мы не сумеем ответить на вопрос о причинах этих умолчаний: не знали или по каким-то причинам не могли написать. Но ведь и Титмар знает далеко не все. Он знает только то, что ему рассказали саксонские рыцари, ходившие на Русь с Болеславом, люди из окружения Генриха II и, может быть, самого Святополка.

На вопрос о том, почему вышгородские бояре поддержали Святополка (Д а н и л е в с к и й. С. 339), косвенный ответ уже обозначился: если Святополк находился в заточении в Вышгороде, он мог склонить на свою сторону боярство, обещая после смерти Владимира какие-либо льготы. Примерно по таким же причинам киевляне отказались принять тело Бориса, как сообщает об этом поздний источник (см. ПВЛ. Ч. 2. С. 359): должно быть, это были те киевляне, которых Святополк уже успел склонить подарками на свою сторону («...сзъва кыяны, и нача даяти им именье» — ПВЛ. С. 90).

Вопросов И. Н. Данилевский задает много, но они только на первый взгляд (или на взгляд неосведомленного читателя) вызывают сомнения в достоверности русских источников, к чему и ведет дело исследователь (Д а н и л е в с к и й. С. 339). Он спрашивает, «откуда летописцу было известно, что обезглавленный труп, найденный на месте убийства Бориса, принадлежал Георгию Угрину?» (Там же). Отвечаем: Моисей и Георгий Угрины были героями отдельных сказа-

ний о них, и летописец, видимо, воспользовался некоторыми из них.<sup>23</sup> «Зачем Святополку потребовалось дважды посылать убийц к Борису?» (Д а н и л е в - с к и й . С. 340) — на этот вопрос давал вразумительные ответы еще А. А. Шахматов,<sup>24</sup> возможным влиянием чешских житий объяснил это Н. Н. Ильин.<sup>25</sup>

«Почему митрополит Георгий, присутствующий в 1072 г. при перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь, засомневался в их святости?» (Д а н и л е в с к и й . С. 340). Один из ответов состоит в том, что митрополит якобы противодействовал канонизации братьев,<sup>26</sup> хотя, скорее всего, это ритуальное «сомнение»: митрополит «обязан» был сомневаться и его сомнение должно было быть опровергнуто нетленностью мощей.<sup>27</sup>

Ставит И. Н. Данилевский и такой вопрос: «...вообще, зачем Святополку понадобилось убивать братьев? Ведь Борис и Глеб добровольно признали его старшинство на киевский престол» (Д а н и л е в с к и й . С. 340). Что на это ответить? Прямые ответы есть в текстах: «Каинов смысл прием», «нача помышляти, яко „Избью всю братью свою, и приму власть русьскую един“» (ПВЛ. С. 90, 94). Еще более откровенно обнажает цель таких убийств старший собрат Нестора Григорий Турский. Его герой франкский король Хлодвиг, перебив всех своих родственников, собрал людей и обратился к ним с «жалостливой» речью о своих родственниках, «которых сам же умертвил»: «Горе мне, что я остался чужим среди чужестранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности». Но оказывается, что он говорил «не из жалости к убитым, а из хитрости: не сможет ли он случайно обнаружить еще кого-либо из родни, чтобы и того убить».<sup>28</sup>

Вопросов много. Иной раз кажется, что вопрос задается только ради самого процесса задавания вопросов. И. Н. Данилевский недоумевает: «...зачем Глебу понадобилось выбирать кружной путь из Мурома в Киев через Смоленск?» (Д а н и л е в с к и й . С. 340). На самом же деле этот путь был бы оптимален: вдоль Оки (против течения) на конях к Смоленску, а там по Днепру (по течению) в «насаде» в Киев. Странность, не оговоренная И. Н. Данилевским, на самом деле тут есть: Глеб сначала зачем-то отправляется к Волге, т. е. прочь от Киева. Если же идти вверх по Волге, то окажешься значительно севернее Смоленска, недалеко от Новгорода. Может быть, эту географическую странность можно объяснить «Чтением» Нестора. Правда, агиограф в соответствии с требованиями стиля

<sup>23</sup> Об источниках сведений о Георгии см. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах СПб, 1908 С. 94—97

<sup>24</sup> Там же С. 74—76 и др.

<sup>25</sup> Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года С. 53 и др.

<sup>26</sup> Там же С. 172—173

<sup>27</sup> Хотя, например, митрополит Макарий понимал это «сомнение» в соответствии с текстом летописи «Когда раку, принесши в новую церковь, открыли, от нее разлилось чудесное благоухание, и все прославили Бога, а митрополита объял ужас, так как он прежде нетвердо веровал в святость святых угодников, и первосвятитель, повергшись на землю, во всеуслышание молил Бога о даровании ему прощения» (История русской церкви М., 1995 Кн. 2 С. 238)

<sup>28</sup> Григорий Турский История франков / Издание подгот. В. Д. Савукова М., 1987 С. 59 (Серия «Литературные памятники»)

выражается очень обобщенно: «святыи Глеб восхоте бежати на полунощныя страны, — сущю иному тамо брату святую» (Чт. С. 7), но понять этот текст возможно только одним образом: Глеб бежит от Святополка по Днепру в Новгород к Ярославу (Борис в это время по поручению отца вышел из Киева навстречу печенегам). Вот эту устремленность к Новгороду, может быть, и выражает географическая «загогулина» в летописи. (В действительности мы, конечно, не знаем причин, определяющих выбор того или иного маршрута. Можно, например, предположить, что по Оке Глеб не хотел идти, опасаясь встреч со злыми язычниками — вятичами: объяснение не хуже прочих.)

Цифровые выкладки на тему, что Глеб не мог получить от Ярослава предупреждения (Данилевский. С. 340), неверны. И. Н. Данилевский насчитал, что гонцы должны были проделать путь в 2200 верст (Киев—Новгород—Смоленск). Бориса убили 24 июля, Глеба — 5 сентября, т. е. эти события разделяют 44 дня (если вычесть дни убийств — 42). Сам И. Н. Данилевский считает, что гонцы могли проделывать по 60 верст в сутки. Умножаем 60 на 42 и получаем 2520, т. е. 320 верст остается еще как бы в резерве: время, потребное на покрытие этих 320 верст, гонцы могли использовать для отдыха.

«Как посланцы Ярослава узнали, какой дорогой отправился Глеб в Киев?» (Данилевский. С. 340). Может быть, княжеские пути были известны, может быть, Глеб отправил к Ярославу своего гонца с сообщением о том, что направляется в Киев и каким именно путем. На вопрос о том, куда делись посланцы Ярослава, когда «практически одновременно с ними здесь же оказались убийцы, посланные Святополком» (Там же), и отвечать не хочется: уехали обратно в Новгород. Ни в одном источнике не говорится об одновременности их прибытия к Глебу. Достаточно и получаса, чтобы разминуться. Кроме того, гонцы Ярослава должны были только сообщить Глебу об опасности, а не вступить в противодействие замыслу.

Далее И. Н. Данилевский пересказывает аргументы М. Х. Алешковского (но без ссылок здесь на него) об именах: почему, дескать, среди потомков Ярослава имена Бориса и Глеба появляются только у внуков (да и то крестильные их имена — Романа и Давида), зато был внук по имени Святополк (Там же). По этому поводу мы уже высказывались выше в связи с наблюдениями М. Х. Алешковского. Можем добавить следующее. Мы не знаем крестильного имени Святополка (есть версии, основанные на археологических данных, но недостаточно надежные), и, может быть, это не случайно. Известны крестильные имена не всех, но многих древнерусских князей. Может быть, Святополк прежде всего загубил свое христианское имя? Если бы мы знали крестильное имя Святополка, то наблюдения над именами у потомков Ярослава (шире — Владимира Святославича) в решении вопросов, связанных с убийством Бориса и Глеба, приобрели бы большую убедительность. С другой стороны, вряд ли случайно, что в память о Борисе и Глебе в первую очередь использовались их христианские, крестильные имена: они, видимо, обладали большей значимостью, может быть, сакральной. Кроме того, сыновья Владимира, в том числе Борис и Глеб, родились до принятия христианства и свои мирские имена получали по дохристианским обычаям, потомки же Ярослава именовались, вероятно, уже по святам.

В святцах же были только имена Романа и Давида, имен Бориса и Глеба в святцах тогда еще, разумеется, не было.<sup>29</sup>

Вопросы о том, почему Ярослав держал в заточении Судислава, или о том, почему он воевал с Мстиславом (Данилевский. С. 340), считаем прямо к делу не относящимися, но все же можно заметить, что Ярослав вовсе не похож на Бориса и Глеба: свои интересы он отстаивал всеми средствами. Потому и не был признан святым.

Поразительно то, как И. Н. Данилевский комбинирует вопросы: «Почему <...> киевляне поддержали его (Святополка. — А. Ш.), а не Ярослава? Или, например, чем объясняется поразительное совпадение описаний обеих битв Ярослава со Святополком 1015 и 1018 гг.?» (Данилевский. С. 340—341). Поистине, в огороде бузина, а в Киеве дядька. На первый вопрос ответ прост: Святополк подкупал киевлян, кроме того, Ярослав был чуждым, новгородским князем и потому киевляне не ждали от него ничего хорошего. Насчет совпадения описаний двух битв И. Н. Данилевский явно преувеличивает: совпадает несколько выражений, относящихся к формульным клишированным, о которых писали в свое время А. С. Орлов, О. В. Творогов и А. А. Пауткин. Так что далеко идущие выводы о том, что «в первый раз Ярослав сражался с кем-то другим, а потом рассказ о столкновении был заменен записью о битве со Святополком», и вопрос о том, с кем же тогда «сражался Ярослав зимой 1013—1019 гг.», строятся на почве неосведомленности в стилистике древнерусских описаний, в особенности воинских.<sup>30</sup> Другое дело, что вопрос о достоверности Альтской битвы существует, и возник он именно благодаря наблюдениям над стилистикой описания Альтской битвы: исследователям (Н. Н. Ильину, М. Х. Алешковскому и некоторым другим) эта битва представляется «литературной», ибо в ее описании, на взгляд этих исследователей, нет живых, неклишированных подробностей. Вопрос требует дополнительного изучения. На наш взгляд, битва эта могла иметь место: источники указывают, что после одной из битв с Ярославом Святополк бежал не в Польшу к своему тестю Болеславу, а «в Печене-

<sup>29</sup> Соображения о святцах подсказаны Б. Г. Бобылевым. Тем не менее А. Л. Никитин фиксирует, что у Святослава Ярославича из пяти сыновей имена троих связаны со святыми «два христианских, крестильных (Роман и Давид), и одно языческое, ставшее после канонизации христианским (Глеб)». А. Л. Никитин стремился доказать, что Борис Вячеславич, убитый на Нежатиной ниве в 1077 г., был в действительности Святославичем, старшим братом Олега. Ввиду особого почитания Святославом Бориса и Глеба, точнее Глеба и Бориса (Глеб раньше прославился чудесами), «естественно было бы видеть обе пары имен в соответствующей последовательности», и исследователь полагает, что так оно и было: Глеб, Борис, Олег, Роман, Давид, Ярослав. См. Никитин А. Л. К вопросу стратификации «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. XI—XVI века. М., 1989. С. 175—176. Правда, традиционно признается иная последовательность сыновей Святослава: Глеб, Давид, Ярослав, Олег, Роман (см. ПВЛ. Ч. 2. Родословная таблица русских князей).

<sup>30</sup> См. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М., Л. 1964. Т. 20; Пауткин А. А. Батальные описания «Повести временных лет» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 5 (у этого автора есть и другие работы по формульным выражениям на материале летописей).

гы». Это могло случиться только после того, как Святополк не позволил Болеславу укрепиться в Киеве в 1018 г. и приказал избивать польские отряды, размещенные по городам. Понятно, что после этого он не мог уже рассчитывать на «польскую подмогу» и после очередного поражения бежал к своим давним союзникам — печенегам. Это вполне соответствует ситуации, связанной с Альтской битвой. Литературность ее описания не может свидетельствовать против самого события: использование клише в правилах древнерусского литературного творчества.

На вопросы о том, почему Святополк бежал в Польшу (после Любечской битвы) и почему польский князь поддержал его, русские источники ответа действительно не дают (их дает Титмар Мерзебургский). Почему не дают, уверенно ответить нельзя. Предположить незнание трудно, строить догадки на основе политической ситуации, современной летописцам (конца XI—начала XII в.), — значит встать на зыбкую почву вероятий, коих можно набрать слишком большое количество.

Далее И. Н. Данилевский допускает удивительный для историка «ляп». Исследователь утверждает, что «имя Святополка отсутствует в рассказе русского летописца о перераспределении княжений между Владимировичами» потому, что «в момент смерти Вышеслава он (Святополк. — А. III.) находился в заточении по обвинению в государственной измене и, естественно, не мог претендовать на новгородское княжение, причитавшееся ему по праву» (Д а н и л е в с к и й . С. 342—343). «Ляп» состоит в том, что о смерти Вышеслава летописи сообщают под 988 г. Хотя это не означает, что Вышеслав умер именно в этом году, но, поскольку его смерть вызвала перераспределение сыновей Владимира по княжениям и об этом перераспределении сообщается здесь же, под 988 г., то, надо полагать, что и смерть случилась около 988 г. Святополк же попал под арест, по заключению самого И. Д. Данилевского, между 1012 и 1013 гг. (Д а н и л е в с к и й . С. 342). **Событие 1012 г. не могло повлиять на событие 988 г.** Такое использование «свидетельств мерзебургского епископа» не «проясняет, как надеется И. Н. Данилевский, многие темные места в русских летописях (Д а н и л е в с к и й . С. 343), а, напротив, искажает сообщаемое летописью и вообще запутывает читателя.

И. Н. Данилевский произвольно толкует Титмара. Ему кажется, что сообщения немецкого хрониста «исключают для Святополка возможность коварного захвата киевского престола и зверского убийства братьев» (Там же). Все дальнейшие построения исследователя исходят из этого соображения как из аксиомы. Между тем Титмар сообщает лишь следующее: «...названный король умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю».<sup>31</sup> По мнению А. В. Назаренко (квалифицированного исследователя, переводчика и знатока соответствующего круга

<sup>31</sup> Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники. С. 141. Далее ссылки на это издание Хроники Титмара в тексте в скобках

средневековых источников), версия о немедленном бегстве Святополка в Польшу лишь одна из возможных. Изложив ее, далее А. В. Назаренко отмечает, что Титмар «отнюдь не говорит прямо, будто Святополк бежал к Болеславу *тотчас* по своем освобождении из заключения; сказано лишь, что это произошло „впоследствии“. Политическая ситуация 1015—1017 гг. и действия Болеслава в это время, как они подробно изложены у того же Титмара, трудно совместимы с предположением, что Святополк находился в Польше уже в 1015 г. <...> в распоряжении сторонников противопоставления Титмара и ПВЛ, вообще говоря, всего один лишь аргумент — молчание „всеведущего“ мерзбургского епископа о междоусобной борьбе между Святополком и Ярославом в 1016 г. Нам кажется, что это — слишком шаткое основание для далеко идущих выводов... (т. е. выводов об отсутствии Святополка в Киеве в 1015—1016 гг. и, следовательно, его непричастности к событиям этого времени; о захвате Киева Борисом и о борьбе Ярослава с последним и т. д. — *А. Ш.*)». А. В. Назаренко допускает, что сведения Титмара об аресте Святополка, смерти в заточении священника Рейнберна и бегстве Святополка в Польшу могли восходить к окружению Святополка, и именно источником информации может быть объяснено умолчание о братоубийственной резне 1015 г., но в то же время есть и более простое объяснение: «немецкий хронист мог и не знать всех перипетий борьбы за киевский стол». <sup>32</sup> Таким образом, надежных сведений о том, что Святополка не было в Киеве и на Руси в 1015—1016 гг., нет.

Собственно, уже **изъятие** одного этого «кирпича» рушит всю постройку **И. Н. Данилевского**, и этим можно было ограничиться. Но ввиду повторяющихся попыток не только переадресовки убийства, но и очернения самого Бориса, да и Глеба, продолжим эту малорадостную работу.

Исследователь переходит к Эймундовой саге, с помощью которой надеется найти ответы на все вопросы. И. Н. Данилевский верно считает, что суть дела сводится к тому, кого следует иметь в виду под Буриславом (сагу И. Н. Данилевский цитирует по ее изданию в монографиях Е. А. Рыдзевской). Поначалу он условно принимает традиционную версию, видящую в Буриславе Святополка (надо бы только добавить, что одновременно и Болеслава), и начинает распутывать цепь противоречий, опираясь на произвольные допущения или смешение показаний разных источников. Так, И. Н. Данилевский пишет: «По саге <...> получается, что Святополк был изгнан с киевского престола за два года до гибели, т. е. не позднее 1016 г.» (стало быть, гибель Святополка И. Н. Данилевский относит к 1018 г.) (Д а н и л е в с к и й . С. 345). В саге нет дат, хронология саги достаточно условна, есть только относительные вехи («После этого летом и зимой было мирно», «был в Тюрккланде зимой» и т. п.), так что «изнутри» саги 1016 г. получить нельзя. Следовательно, историк совмещает с сагой русские источники, но почему-то не называет, какие именно. В «Сказании» и «Чтении», памятниках агиографических, даты смерти Святополка нет. В НПЛ о смерти Святополка сообщается в статье 1016 г.: «за два года до гибели» дает 1014 г. (хотя летописные

<sup>32</sup> Там же. С. 175—176.

статьи иногда рассказывают о событиях нескольких, правда, ближайших лет). В ПВЛ смерть Святополка описана в статье 1019 г. Если отнять от 1019 г. два года, то получим 1017, а не 1016 г. Зачем же И. Н. Данилевскому так нужен 1016 г.? Опускаем его путаные и ошибочные рассуждения, основанные на хромоте Ярослава (И. Н. Данилевский не учитывает, что у Ярослава с детства был вывих правой бедренной кости, что могло влиять на походку, ранение же в ногу имело место значительно позже 1016—1017 гг.<sup>33</sup>): исследователю надо доказать, что Бурислав — это не Святополк, и Ярослав в 1016 г. сражался с кем-то другим (Данилевский. С. 345). Разумеется, этим другим оказывается Борис, а отсюда заключение: «...с Борисом расправились убийцы, посланные не Святополком, а Ярославом» (Данилевский. С. 346). Заодно Ярослав убил и Глеба: посланники Ярослава к Глебу «были убийцами» (Там же).

С упоминанием имени М. Х. Алешковского (но без ссылки на конкретную работу) И. Н. Данилевский вспоминает о миниатюре (у М. Х. Алешковского речь идет о двух миниатюрах XIV и XV вв.), имеющей отношение к рассматриваемому сюжету. Прочитируем И. Н. Данилевского: «На ней (миниатюре. — А III.) убийцы передают пославшему их князю меч Бориса и какой-то круглый предмет, как предположил М. Х. Алешковский, голову убитого» (Там же). Имя Бориса И. Н. Данилевский называет уверенно, а князя, которому предметы передаются, оставляет без имени. У М. Х. Алешковского же речь идет о Святополке, при этом передается не меч и «круглый предмет», а только одна шапка: «Предводитель убийц протягивает Святополку красную княжескую шапку убитого Бориса». Подчеркивает М. Х. Алешковский и то, что на «миниатюре изображены не два варяга, вторично посланные Святополком, а первые убийцы — русские».<sup>34</sup> М. Х. Алешковский действительно связывает содержание этой миниатюры с эпизодом саги, но у него здесь речь идет о Святополке, русских убийцах и не о «круглом предмете», а о княжеской шапке.<sup>35</sup> Так что И. Н. Данилевский вычитывает у М. Х. Алешковского то, что ему хочется вычитать.

Далее И. Н. Данилевский предлагает свою реконструкцию событий, последовавших за смертью Владимира. Киев занимает Борис, Святополк находится в заточении, Ярослав выступает против Бориса и осенью 1015 г. наносит ему поражение. Борис уходит к печенегам, а Киев достается Ярославу. Видимо, в момент противостояния Бориса и Ярослава Святополку удается освободиться и бежать в Польшу к своему тестю (Данилевский. С. 347).

Таков первый акт драмы, творимый историком. И. Н. Данилевский оставляет в этой схеме без комментария согласные сообщения всех русских источников

<sup>33</sup> О хромоте Ярослава см. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги. С. 168, примеч. 34. Н. Н. Ильин пытается опровергнуть заключение А. Г. Рохлина о позднем сроке ранения Ярослава в ногу и доказать, что оно могло иметь место в 1017 г. Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года. С. 124—125.

<sup>34</sup> Алешковский М. Х. Русские Глебоборисовские энколпионы. С. 120, 121.

<sup>35</sup> Другое дело, что М. Х. Алешковский высказывает не основанную ни на чем, кроме саги, гипотезу, что первоначально на рисунке могла быть голова Бориса, которая затем превратилась в шапку. Там же. С. 122.

о том, что в момент смерти Владимира Бориса в Киеве не было, он по поручению отца вышел навстречу печенегам (с тем, чтобы отразить их возможный набег). Следовательно, утверждение о том, что Киев занимает Борис, противоречит источникам. Второе. В схеме И. Н. Данилевского не ясны мотивы, по которым Ярослав выступил против Бориса. Если Борис получил Киев по воле отца (о чем говорит И. Н. Данилевский), то его власть имеет легитимность. Старшие сыновья могли не согласиться с таким решением, но у нас нет никаких свидетельств, подтверждающих протест Ярослава против несправедливой передачи власти. Об этом нет ни слова ни в русских текстах, ни в саге, ни у Титмара. Так что картина, создаваемая историком, строится на произвольных допущениях (так, дескать, могло быть). Другие историки, полагаясь на свои умозаключения, создадут другие версии, не хуже этой (и уже создавали: см. выше версию А. С. Хорошева об альянсе Святополк — Борис против альянса Ярослав — Глеб, сходную версию Г. М. Филиста). Причем версии эти приходится создавать **вопреки** свидетельствам имеющихся источников. Ни в одном из источников ничего не говорится о связях Бориса с печенегами. Такие связи отмечены только у Святополка. Вопреки этому дальнейшее построение исходит именно из связей Бориса с печенегами.

Второй акт. Святополк в Польше собирается с силами. Борис во главе печенежских отрядов нападает на Киев, пытаясь выбить оттуда Ярослава. Ярослав с киевлянами и варягами дает ему отпор, но сам получает рану в ногу. Это происходит в 1016 г. (Данилевский. С. 347).

Русские источники знают битву 1016 г. — это битва на Днепре у Любеча между Ярославом и Святополком. Но И. Н. Данилевский перенес ее в 1015 г. Есть свидетельства о нападении печенегов на Киев, но эти сведения Титмара и косвенные сведения русских летописей исследователи уверенно датируют не 1016, как И. Н. Данилевский, а 1017 г. При этом НПЛ и ПВЛ под 1017 г. не сообщают о нападении печенегов, однако есть соображения, что сведения ПВЛ о нападении печенегов в 1036 г. и закладе св. Софии в 1037 г. в действительности отражают события 1017 г.<sup>36</sup> Знает об этих двух событиях под 1017 г. и В. Н. Татищев: «6525/1017. Ярослав вниде в Киев. И погоре град Киев, церкви и дома яко до 700. И заложил Ярослав град Киев новый, и врата златая основа, и церковь святая Софии. Того же году приидоша печенези ко Киеву и всекошася в Киев. И едва к вечеру одоле Ярослав, и прогна я (их)».<sup>37</sup> По свидетельству Титмара, «на город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславоу, часто нападали враждебные печенеги; пострадал он сильно и от пожара» (С. 142). Есть основания полагать, что речь идет здесь о событиях 1017 г.<sup>38</sup> На той же странице Титмар сообщает, что в этом пожаре сгорел собор св. Софии<sup>39</sup> (ср. с сообщением ПВЛ под 1017 г.), и, следовательно, возникла необходимость

<sup>36</sup> Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года... С. 121.

<sup>37</sup> Татищев В. Н. Собр. соч. М., 1995. Т. 4. С. 145. Выделено нами.

<sup>38</sup> Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 184—186, примеч. 88 и 89.

<sup>39</sup> О том, что надо иметь в виду собор, а не монастырь св. Софии, и о том, что пожар относился к 1017 г., см.: Там же. С. 188—189, примеч. 95; с. 159, примеч. 42.

восстановления храма: так что церковь и сгорела (ПВЛ), и «заложена бысть» (НПЛ). Нигде, разумеется, это нападение печенегов не связывается с Борисом, его внешними инициаторами могли быть Болеслав и Святополк (подробнее об этом далее). Так что соображения историка о нападении в 1016 г. печенегов на Киев под руководством Бориса — чистое фантазирование, не имеющее никакой фактической основы.

Третий акт, по И. Н. Данилевскому, — это очередная попытка Бориса вернуть Киев (И. Н. Данилевский умалчивает, на какие военные силы опирался Борис в этот раз) и настигшая его смерть от рук варягов Эймунда, посланных Ярославом. Смерть настигла Бориса, по И. Н. Данилевскому, 24 июля 1017 г. Вскоре Ярослав были убиты Глеб и Святослав (Д а н и л е в с к и й . С. 347).

Особенно эффектна здесь дата. (Собственно, в авторском тексте приводить без пояснений «24 июля» — некорректно: это дата древнерусских источников, причем в старших летописях ее нет, она есть только в анонимном «Сказании» и «Чтении» Нестора; разумеется, по старому стилю, ныне это — 6 августа.) Между тем, прежде чем приводить эту дату, надо проверить, приходилось ли 24 июля на **воскресенье** не только в 1015, но и в 1017 г. Дело в том, что даты смерти Бориса и Глеба, приводимые в русских источниках, достоверны в том смысле, что указываемые в них дни недели и числа по календарю действительно совпадают.<sup>40</sup> Вряд ли они могли совпасть и в 1017 г. (автор статьи, к сожалению, не владеет методикой проверки дат древних календарей). Отметим, что Н. Н. Ильин и А. С. Хорошев переносили убийство Бориса на 1018 г., теперь появился 1017 г. Версии множатся.

Если убийство Бориса Ярославом как-то мотивировано и представимо на основе саги (хотя бы в порядке допущения), то как быть с убийством Глеба? В русских текстах мы имеем рассказ о том, как Святополк обманно вызвал Глеба, Ярослав пытался предупредить князя, но тот, как и Борис, не захотел спасаться и был убит посланцами Святополка. **Все это в русских текстах привязано к 1015 г. и в другой год перенесено быть не может.** Что в 1017 г. заставило Глеба двинуться в путь? и т. д., т. е. как рассказ об убиении Глеба вставить в реалии 1017 г., об этом И. Н. Данилевский не позаботился. Где Святополк, по ПВЛ, убил Святослава — известно (убийцы догнали его на пути «в Угры»), но где и как его, Святослава, убил, по И. Н. Данилевскому, Ярослав, неизвестно. Выше И. Н. Данилевский спрашивал: «Да и вообще, зачем Святополку понадобилось убивать братьев?». Переадресовываем теперь этот вопрос исследователю, заменив Святополка на Ярослава.

Следующий, четвертый, акт разворачивается в 1018 г. И. Н. Данилевский рассказывает о вторжении на Русь войска Болеслава, в составе которого находился и Святополк, о бегстве Ярослава в Новгород (правда, почему-то И. Н. Данилевский не упоминает битвы на Буге, после которой Ярослав «убежа» в Новгород), о вступлении победителей в Киев и возвращении польских

<sup>40</sup> Это подтверждает, например, О. Рапов: «Обе даты совершенно точные, верные» (Рапов О. Обвиняются в убийстве // Родина. 1994. № 5. С. 69).

отрядов домой (опять же исследователь не упоминает важнейший факт: польские отряды заспешили домой не добровольно, а после того, как их по приказу Святополка начали избивать «по городам»).

Дальше в тексте И. Н. Данилевского есть любопытная опечатка. «Через три месяца после победного вступления в Киев (несколькими строчками выше автор сообщил, что произошло это 14 августа 1018 г.: дата из Титмара. — А. Ш.) дружина Святополка сошлась на поле боя с полком Ярослава. Сражение произошло у Любеча приблизительно в декабре 1016 г.». (Данилевский. С. 347). Конечно, И. Н. Данилевский должен был выставить 1018 г., но мы думаем, что описка была не случайной. Выше упоминалось, что И. Н. Данилевский отрицает Альтскую битву, считая ее описание вариантом описания Любечской битвы.<sup>41</sup> Но в построении И. Н. Данилевского для Любечской битвы не нашлось места там, где она упомянута в летописях, — в начале зимы 1016 г. И вот теперь автор, видимо, штудировавший летописи, упомянув Любеч да еще и декабрь, автоматически проставил дату, стоящую в летописях. Так что и описка эта не случайна. Конечно, в действительности И. Н. Данилевский хотел заменить Альтскую битву 1019 г. Ярослава со Святополком на Любечскую битву, которую он имел в виду перенести в 1018 г. Таким образом, И. Н. Данилевский (вслед за Н. Н. Ильиным, но без ссылки на него<sup>42</sup>) разделяет летописную битву 1016 г. на битву на Днепре и битву у Любеча. При этом битву на Днепре он «опускает» в 1015 г., а у Любеча переносит в 1018 г. Поразительно это пристрастие историков выстраивать вероятностные гипотезы и, без тени сомнения, перестраивать под них факты. Воистину, если факт не отвечает теории, тем хуже для факта!

Далее И. Н. Данилевский предлагает увлекательные сближения, открывающие, по его мнению, глубинные, почти эзотерические пласты смыслов. Специальные изыскания И. Н. Данилевского призваны объяснить, почему о Святополке говорится, что он «по смерти вечно *есть связан*». Ответ И. Н. Данилевский надеется найти в следующих словах апокрифической «Книги Еноха» (кстати, имя Еноха упоминается в этом же отрывке ПВЛ): «Потом Господь скажет Рафаилу: „Свяжи Азасиэля и брось его во тьму и заключи (прогони) в пустыню, которая находится в Дудаэль <...> и когда настанет день суда, прикажи свергнуть его в огонь“».

<sup>41</sup> Странно, что никто не отрицает битвы на Буге, которая является зеркальным, т. е. перевернутым, изображением той же Любечской битвы. Правда, эту битву наряду с летописью зафиксировал и Титмар.

<sup>42</sup> Ср. Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года. С. 140—141. Нам представляется что видеть здесь две битвы (или сообщения о двух битвах) оснований нет. Вероятно, первоначально в НПЛ было записано краткое сообщение «В лето 6524 Бысть сеца у Любца, и одоле Ярослав, а Святополк бежа в Ляхы» (С. 74). Затем появились дополнительные сведения о том, как собиралось войско, о контактах со «шпионом» в стане Святополка, о белых повязках на головах, и статья была распространена рассказом, как именно «одоле Ярослав» «у Любца» «на Днепре» в 6524 (1016) г., не исключено, что распространял уже другой летописец, ибо теперь после поражения Святополка «бежа < > в Печенеги», хотя все равно оказывается «межи Чахы и Ляхы». Может быть, он бежал «в Ляхы» через «Печенеги». Только об одной битве у Любеча на Днепре рассказывает ПВЛ (С. 96).

«Вот он, — победоносно восклицает исследователь, — персонаж, связанный и изгнанный в пустыню, где принимает смертные муки!» (Данилевский. С. 351). Радость открытия преждевременна: «Книга Еноха» в той редакции, какая была известна в XI в. (краткой), указанных слов ни в прямом, ни в вариативном виде не содержит.<sup>43</sup> И. Я. Порфирьев, на издание которого ссылается И. Н. Данилевский, вообще не располагал авторитетным текстом славянской версии «Книги Еноха».<sup>44</sup> Правда, мотив «связанности» есть и в краткой редакции, но совершенно в ином контексте. Речь идет о жертвоприношениях: тот, кто приносит «требу от чистых скот», исцеляет душу свою, тот же, кто приносит «скот всяк безо узь» (всякий скот, не связав его), «беззаконит свою душу».<sup>45</sup> Вряд ли этот пассаж можно применить к судьбе Святополка.<sup>46</sup> Впрочем, И. Н. Данилевский параллели находит с легкостью необыкновенной. Только что связав Святополка через «Книгу Еноха» с богопротивным Азазиэлем, исследователь тут же находит ему оправдание в образе «козла отпущения» из книги Левит и как бы сам удивляется таким сопряжениям. Исследователю надо найти параллели, оправдывающие Святополка. В Библии можно найти все. Если уж Святополк сравнивается исследователем с тем, через кого совершается «очищение» и кто несет наши беззакония «в землю непроходимую» (Данилевский. С. 351), то почему бы, например, его не сравнить с тем, кто «как агнец перед стригущим его безгласен», кто «от уз и суда <...> был взят», «отторгнут от земли живых», кто «за преступления народа моего претерпел казнь», ибо Господу «угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению», но «когда же душа его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его» (Ис. 53: 7—10). При желании это тоже можно применить к Святополку и удивленно спросить себя: «Мо-

<sup>43</sup> См. БЛДР Т 3 XI—XII вв СПб, 1999 С 204—240 387—392 (текст приводится по списку XVI в, но в редакции, восходящей к X—XI вв) Мнение о том, что в XI в могла иметь хождение пространная редакция, ныне отвергнуто «Краткая является первичной (возможно, она возникла еще в X—XI вв), пространная была создана не ранее XIV в (возможно, в конце XV в) в результате внесения дополнений и некоторых переделок в текст краткой редакции» (Там же С 388) См также Творогов О В Апокриф о Енохе // Словарь книжников Л, 1987 Вып 1 С 40—41, Апокрифы Древней Руси Тексты и исследования / Отв ред и составитель В В Мильков М, 1997 С 54—55

<sup>44</sup> Один из ведущих специалистов по переводной литературе так охарактеризовал текст, связанный с «Книгой Еноха», в издании И Я Порфирьева «Автор, изложив содержание книги Еноха в эфиопской версии по немецкому изданию Дильмана (курсив наш — А Ш), смог сослаться только на тот отрывок из славянской книги Еноха, который был напечатан в изданиях А Н Пыпина и Н С Тихонравова» (Мещерский Н А Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе (К изучению славянских версии книги Еноха) // ТОДРЛ М, Л, 1963 Т 19 С 136)

<sup>45</sup> БЛДР Т 3 С 226—228

<sup>46</sup> В другом древнерусском тексте (Слове на воскресение Лазаря) мотив «связанности» более относится к рассматриваемой ситуации Ад, который здесь персонифицирован, вопрошает, зачем Христос спускается в ад, и некие «силы» отвечают «Противника гоня Сатану и хочет его связав предати тебе (т е Аду — А Ш) » (БЛДР Т 3 С 260) Однако этот текст восходит к рубежу XII—XIII вв и может свидетельствовать лишь о том, что мотив «связанности» был распространен, и летописец мог его позаимствовать из разных источников

жет ли такое быть?» и ответить самому себе: «Думаю, ничего невероятного в этом нет» (Данилевский. С. 351).

Дальше в тексте ПВЛ Святополк выступает в окружении имен Каина, Ламеха и Авимелеха. И. Н. Данилевский напрасно считает, что с Каином и Ламехом Святополк не сравнивается («Взять хотя бы Каина или Ламеха, которые, кстати, упоминаются здесь же. Но Святополк с ними не сравнивается». Там же). С Каином Святополк сравнивается постоянно: «исполнивсь беззаконья, Каинов смысл прием» (ПВЛ. С. 90), «и прием помысл Каинов, с лестью посла къ Глебу» (ПВЛ. С. 92), да и в самом прозвище Святополка — Окаянный<sup>47</sup> — по одной из гипотез — есть имя Каина. Ламех же сравнивается в ПВЛ с Каином, а тем самым — и со Святополком. По прямому смыслу в ПВЛ Ламех сам говорит о себе, что ему за убийство мужа и отрока отмстится в 70 раз больше, чем Каину: «...70 мстий на мне, понеже, ведая створих се» (ПВЛ. С. 98). В толкованиях же этого библейского фрагмента много спорного.<sup>48</sup> С Авимелехом же в ПВЛ проводится даже не сравнение, а уподобление: «сей же Святополк, новый Авимелех...». И. Н. Данилевский считает, что летописец мог иметь в виду не только братоубийцу, но и Авимелеха-царя, полагая, что тем самым летописец «давал двойственную характеристику, которая позволяла читателям сделать свой вы-

<sup>47</sup> И. Н. Данилевский справедливо указывает, что слово «окаянный» имело в древнерусском значении «многострадальный», «заслуживающий сожаления» (Данилевский С. 348), но примеры со Святополком авторы словаря (на который И. Н. Данилевский почему-то не ссылается, хотя пользуется им) приводят под третьим пунктом, где это слово означает «безбожный, безнравственный, низкий» Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 320.

<sup>48</sup> Начать с того, что не все ясно и с самим Каином. По прямому смыслу «всемеро» отмстится не Каину, а тому, кто убьет Каина. «И сказал ему Господь за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4:15). Самого же Каина Господь наказывает тем, что земля не будет более «давать силы» своей для него (Каин — земледелец) и что станет он изгнанником и скитальцем на земле, и это, по оценке самого Каина, наказание «больше, нежели снести можно». Имя Ламеха, по одним толкованиям, означает «могущественный, сильный» (Библейская энциклопедия — см. ниже), по другим — «разрушитель, неприятель» (Толковая Библия — см. ниже). В Библейской энциклопедии допускается, что слова Ламеха имеют **вопросительную** форму: разве я убил мужа во зло себе? разве причинил зло ребенку на беду себе? (кстати, И. Н. Данилевский напрасно называет Ламеха «популярным братоубийцей» — речь у Ламеха идет об убийстве некоего мужа и причинении зла отроку, а не о братиях), ибо я знаю, что Каину отмстилось всемеро, а мне отмстится в 70 раз против Каина (см. Библейская энциклопедия архимандрита Никифора М., 1891. Репринт М., 1990. С. 421—422). Отметим, что в энциклопедии дается определенным образом направленный пересказ слов Ламеха: В Толковой Библии допускается три смысла слов Ламеха: **вопросительный**, **положительный** (как уже о свершившемся факте двойного убийства) и **предположительный** — именно, что я убью всякого, кто станет на моей дороге, будет ли то зрелый муж или отрок», составители, цитируя В. С. Соловьева, склоняются к этой третьей версии (см. Толковая Библия или комментарий на все книги св. писания Ветхаго и Новаго Завета. Кн. 1. Бытие — Притчи. Сол. Пг., 1904—1907. С. 38—39). Летописцы скорее понимали слова Ламеха во втором, «положительном» смысле. На наш же взгляд, слова Ламеха «если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт. 4:24) означают сознание его собственной огражденности: если Господь оберегал от смерти убийцу Каина, то «в семьдесят раз всемеро» оградит и его, совершившего большее убийство «в язву» и «в рану» себе. Здесь какая-то не вполне доступная нам логика, может быть, суть в том, что Ламех обрекает себя на мучение, горшее смерти?

бор» (Данилевский. С. 351). Это неверно. Во-первых, в Библии не два, как полагает И. Н. Данилевский, а, по меньшей мере, четыре Авимелеха,<sup>49</sup> но это вовсе не означает, что летописец хотел дать читателям простор для любых отождествлений. Во-вторых, если уж считать, что слова об «избиении сынов Гедеоновых» являются уточнением, какого именно Авимелеха надо иметь в виду, то они как раз служат для того, чтобы не путали с другими Авимелехами. Хотя более вероятным нам представляется, что слова «Авимелех <...> иже изби братью свою, сыны Гедеоновы» являются своего рода сращением, подобно тому как Боняк в летописи — «шелудивый», а Якун «отбегает» от «луды златое». Не сомневаемся, что летописец имел в виду только одного Авимелеха.

Не понимаю, как И. Н. Данилевский упустил возможность отождествить Авимелеха с Ярославом, когда для этого открывалась такая блестящая возможность. В Любечской битве на Днепре (в ПВЛ) войско Ярослава переправляется через Днепр на рассвете «противу свету» (здесь надо понимать «противу свету» — для противника), т. е. чтобы восходящее солнце слепило противника и мешало разглядеть форсирование реки. Авимелех, ведя боевые действия против жителей Сихема, получает от «воеводы города» Зевула совет: «Поутру же, при восхождении солнца, встань рано и приступи к городу...». Противник Авимелеха Гаал, увидев людей, спускающихся с гор, обеспокоился, но союзник Авимелеха Зевул обманно успокаивал Гаала: «тень гор тебе кажется людьми» (т. е. они тоже на восходе смотрят «противу свету», и потому Зевулу удается на время обманывать Гаала (Суд. 9: 33—36)). Кстати, этого Зевула вполне можно отождествить с тем союзником Ярослава, который был в лагере у Святополка (в НПЛ). Летописец этих параллелей не видит, а если и видит, то не они занимают его. Отождествление здесь, конечно, есть, но оно идет по другой линии: Авимелех, рожденный в прелюбодействе, — прообраз Святополка, сына двух отцов, мать которого, «грекыню», Владимир «залече <...> не по браку, прелюбодейчичь бысть убо»; Авимелех перебил с помощью наемных убийц 70 своих братьев по отцу, братьев по отцу убивает и Святополк с помощью «оканьних» убийц.

Выше мы показали, что никакой амбивалентности в отождествлении Святополка с Авимелехом быть не может, ибо летописец имел в виду одного, а не многих Авимелехов. Но эту же идею — идею оправдания Святополка, якобы скрыто присутствующую в летописи, И. Н. Данилевский усматривает в перечне сыновей Владимира под 980 г. В этом перечне сыновья Владимира распределяются по матерям. Летописный перечень И. Н. Данилевский считает аналогом распределению сыновей Иакова в Библии (Быт. 35: 22—26). Это вполне возможно, хотя распределение сыновей по матерям есть и в других родословных, коих в Библии множество (например, рядом помещается родословие Исава: «Ада родила Исаву Елифаза, Васемафа родила Рагуила, Оливема родила Иеуса, Иеглома и Корейя»: Быт. 36: 4—5 и т. п., см. здесь же: 10, 12, 13, 14 и т. д.). Полагая, что летописец использовал в качестве образца именно родословие Иакова, И. Н. Данилевский отмечает следующее отличие летописного текста: «Принци-

<sup>49</sup> См.: Библейская энциклопедия... С. 15—16.

пиальная разница заключается лишь в том, что в „Повести временных лет“, в отличие от библейского перечня, упоминается всего десять сыновей. Зато присутствуют две дочери (хотя у Владимира их было гораздо больше)» (Данилевский. С. 352). Отличие, на наш взгляд, очень существенное, но об этом далее. И. Н. Данилевский полагает, что в данном случае на заимствование из библейского текста накладывается еще аллюзия из «Сказания Епифания Кипрского о 12 драгоценных камнях на ризе первосвященника», в котором «дается не только описание камней и их свойств, но и упоминаются имена сыновей Иакова, выгравированные на каждом камне, а заодно дается их характеристика». (У нас нет уверенности, что летописец пользовался этим текстом, но поверим пока И. Н. Данилевскому.) Исследователь убежден, что «именно порядок перечисления камней определил последовательность упоминания сыновей Владимира. Каждый из них получал таким образом „невидимую невооруженным взглядом“ косвенную этическую характеристику, совпадавшую с характеристикой того или иного сына Иакова» (Там же). Исходя из этих соображений, исследователь полагает, что Святополк должен соответствовать Дану — седьмому сыну Иакова. Дану в тексте «Сказания... о 12... камнях» посвящается самая пространная статья, из которой И. Н. Данилевский извлек лишь очень небольшой фрагмент, в котором речь идет о том, что он, Дан, подстерегал брата Иосифа, «аки рысь козлища», но Бог не дал сотвориться злу. Для исследователя все очевидно: «Как видим, и здесь речь идет о не совершенном Даном-Святополком преступлении!» (Данилевский. С. 353).

Параллелей со Святополком здесь при желании можно найти больше. В самом рассказе о камне «уакинф» (яхонте) присутствуют мотивы «пустыне великия» (правда, не меж «Чахы и Ляхы», а в Скифии), в этой пустыне есть «пропасть зело глубока», к этой пропасти и посылают *преступников* («осужении человеци от ближних царств»), перед которыми простой выбор: либо добыть «акинф камень» и получить прощение, либо погибнуть. Драгоценные камни находятся в этой глубокой пропасти, оригинальный способ добывания драгоценных камней связан с «закланием овчат» (чем не параллель к Святополку). Цитирование отрывка из слова о 7-м камне И. Н. Данилевский оборвал на полуслове. Дальше в тексте сам Дан предрекает своим потомкам: «И по летех и по временех будет князь *ваш сатана*». Еще более интересные вещи в связи с нашей темой говорил отец Дана Иаков: «„Дан тебе суд есть: ими (схвати, поймай) змия, на распутии сидяща, и на пути хаплляя (жаля) пята конску — и спадесе конник вспять“ — *сиречь о Антихресте рекоста, яко от племенн Данова ему есть изыти*». Здесь же проясняется и связь камня с Даном: «*в пропасти бездныя жилище его*». <sup>50</sup> Параллелей с летописным текстом о Святополке даже слишком много. «Сотона» — «отец» убийц, посланных Святополком; когда убийцы приходят к Святополку с докладом об убийстве-«заклании» Глеба-«агна не-

<sup>50</sup> Сказание о 12 драгоценных камнях // Домострой / Вступ. статья, составление и коммент. В. В. Колесова. М., 1991. С. 271—272. См. также толкование этого мотива в «Откровении Мефодия Патарского»: Апокрифы Древней Руси. С. 28.

порочно», летописец, цитируя Давида, говорит: «Да возвратятся грешници въ ад»; в бегстве после поражения на Альте Святополком овладевает «бес», могила Святополка в «пустыне», от нее исходит «смрад» («воня мясная» есть и на дне той пропасти, где лежат «уакинф камни») и т. д. Параллели эти отнюдь не оправдывают, а дополнительно изобличают Святополка, выявляя его сатанинскую сущность, и параллелей этих, как видим, достаточно. И все же мы не думаем, что летописный текст сознательно связан с текстом Епифания. Во-первых, такие понятия как «сатана», «Антихрист», «пустыня» вызывали близкие лексические и стилистические формулы, являющиеся общим достоянием и арсеналом книжников средневековья. Во-вторых, серьезным препятствием для отождествления Святополка с Даном, на наш взгляд, является то, что Святополка лишь при большом желании можно посчитать «седьмым»: «две дочери» никак в средневековом тексте не могут заменить «двух сыновей». В библейских родовых условиях нет дочерей, из перечней могут исчезать даже жены-матери, и мы читаем, что «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» (Мф. 1: 2). Кроме того, летописец располагал перечнем сыновей Владимира, состоящим как раз из 12 имен (под 988 г.):<sup>51</sup> что мешало подставить вместо дочерей два нужных имени? В-третьих, вся система аргументов И. Н. Данилевского направлена на то, чтобы переложить убийство братьев со Святополка на Ярослава, следовательно, если с помощью Епифания убийство снимается с Дана=Святополка, то убийцей должен оказаться Левий=Ярослав (они идут третьими в перечнях). Посмотрим, что Епифаний говорит о третьем номере. Под третьим номером идет камень «измараг» (изумруд), камень этот «светел», в него можно смотреться, как в зеркало; камень этот уподобляется «левгию» (Левию) — «святителю и иерейскому чину, иже и лица человеческого не стыдится им подобает».<sup>52</sup> Ничего связанного с убийством о Левию, как и о камне у Епифания не говорится. Зато если обратиться к библейской истории Левия сына Иакова, то действительно может обнаружиться нечто интересное (опять же упущенное так любящим параллели И. Н. Данилевским). Левий — мститель за честь своей сестры, обиду он смывает кровью врагов. Святополк же был повинен, хотя бы косвенно, в бесчестии единоутробной сестры Ярослава — Предславы, которую Болеслав, вступивший со Святополком в Киев, сделал своей наложницей. Так что здесь отождествление обретает некоторую почву. Левий (вместе с братом Симеоном) жестоко отмстил за сестру, покарав не только прямых виновников бесчестия, Сихема и его отца Еммора, но и всех жителей города: мужчин предали смерти, а жен и детей взяли в плен (Быт. 34). Известно,

<sup>51</sup> На это же обратил внимание А. М. Ранчин «Однако совершенно не очевидно, что для летописца было значимо сближение перечня детей Владимира со „Сказанием Епифания Кипрского“ К библейскому перечню ближе второй список сыновей Владимира под 988 г. в ПВЛ (здесь их, как и у Иакова, двенадцать, а не десять, как в статье 980 г.) Однако в этом перечне Святополк не седьмой, а четвертый» (Ранчин А. М. Хроника Георгия Амартола и Повесть временных лет. Константин равноапостольный и князь Владимир Святославич // Русское средневековье. 1999 год. Духовный мир. М., 1999. Примеч. 21. С. 69).

<sup>52</sup> Сказание о 12 драгоценных камнях. С. 271.

что Ярослав также взял какой-то город (Туров или Берестье) Святополка, а жителей его «вывел». <sup>53</sup> И все же не надо спешить с выводами о прямых заимствованиях летописцами библейских сюжетов. В летописи Ярослав мстит не за Предславу, а за Бориса и Глеба. Все остальные совпадения — совпадения самой жизни, вызывающие в чем-то сходные формы изображения, и ничего более того.

В силу того что ни один из пунктов реабилитации Святополка и «уличения» Ярослава не выдерживает критики, а многие из обвинений Ярослава просто вздорны и ни на чем не основаны, необходимость в подробном специальном анализе источников под этим углом зрения отпадает. Но «Прядь об Эймунде», побуждающую все новых исследователей к пересмотру сведений русских летописей и агиографических творений, хотя бы кратко, рассмотреть надо.

Нет сомнений, что события, происходящие в саге, порождены русской действительностью начала XI в., но события в саге — это события средневекового литературного произведения, а не реальной русской истории. Отталкиваясь от русских реалий, сага творит свой мир, со своими, скандинавскими, а не русскими героями.

Сага верно передает смысл «завязки» событий, вызванных смертью Владимира Святославича, но не реальную расстановку участников. Эймунд, вербуя охотников для участия в русских распрях, говорит: «Я слышал о смерти Владимира конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он старший из них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилав. Бурицлав держит Кэнугард, а это — лучшее княжество во всем Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Палтескью и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех более недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше...». Эймунд приглашает воинов «побывать у каждого из этих конунгов», надеясь добыть на службе у них «и богатство и почеть». <sup>54</sup> Сага говорит о трех сыновьях Владимира, о трех сыновьях Владимира, к сожалению, без упоминания их имен, говорил и Титмар, но у Титмара Владимир завещает наследство двум сыновьям, а третий, Святополк, бежит из заточения к тестю, т. е. в Польшу. <sup>55</sup> По русским летописям, сыновей в 988 г. было 12, и они уже тогда были распределены по княжениям. Так что все источники содержат разные версии. По саге, Бурицлава

<sup>53</sup> Титмар сообщает «Тем временем Ярослав силой захватил какой-то город, принадлежащий тогда его брату, а жителей увел [в плен]» (С 142, см также примеч 86) См также Латиноязычные источники по истории Древней Руси Германия IX—первая половина XII в / Составление, перевод, коммент М Б Свердлова М, Л, 1989 С 90, примеч 60

<sup>54</sup> Д ж а к с о н Т Н Исландские королевские саги С 106 (далее страницы «Пряди» указываются в тексте в скобках)

<sup>55</sup> Н а з а р е н к о А В Немецкие латиноязычные источники С 141

здесь никак нельзя отождествлять с Борисом, ибо о Бурицлаве говорится, что он — «старший». Старшим к 1015 г. был, по всей видимости, Святополк. Именно он, по русским источникам, на первых порах и овладел Киевом.

Сага, впрочем, и не могла сохранить точных сведений о русских событиях 1015 г. Эймунд не мог прибыть на Русь раньше 1019 г. Эта дата выводится как из норвежских событий, так и из того, что Эймунд застаёт Ярицлейва=Ярослава женатым на Ингигерд: брак этот был заключен в 1019 г.<sup>56</sup> Эймунд и его воины приняли участие в финале событий, последовавших за смертью Владимира; о том, что происходило между 1015 и 1019 гг., они, разумеется, должны были слышать. Рассказывая в поэтической форме о своем участии в русских событиях, они должны были рассказать и о предшествующем, о том, что они «слышали». Около трех сотен лет сага бытовала в устном виде. За это время Эймунд и его товарищи включились и в те эпизоды, которые предшествовали их прибытию на Русь, но о которых они знали и повествовали в традиционной эпической форме (исландец Бьёрн, один из товарищей Эймунда, участвовавший и в самой тайной операции варягов, мог стать первым слагателем саги<sup>57</sup>). Ко времени письменной фиксации саги (конец XIII в.<sup>58</sup>) она могла сохранить верность лишь общему смыслу событий, но не соответствие точным реалиям братоубийственных столкновений детей Владимира (соответствия реалиям не было и в исходном варианте саги, ибо поэтическое творчество всегда преломляет действительность). Это подтверждается сравнением эпизодов саги с русскими источниками.

По согласной оценке исследователей, наибольшее соответствие саги русским источникам обнаруживается в изображении Любечской битвы. В саге Бурицлав присылает Ярицлейву письма, в которых требует уступить ему «несколько волостей и торговых городов». По совету Эймунда, Ярицлейв отказывает брату и посылает по своему княжеству «боевую стрелу» (обычай не славянский, а скандинавский).<sup>59</sup>

Войска сошлись там, «где большой лес у реки», и «река была посередине»; «четыре ночи они сидели спокойно — ни те, ни другие не готовились к бою». Варяги указали Ярицлайву, что в стане врага войско прибывает, а его воины расходятся по домам. Однако норманны, по их собственной оценке, «дело делали»: они отвели свои корабли с воинским снаряжением подальше от стоянки и

<sup>56</sup> См Там же С 166—167, примеч 51, с 195, примеч 99 С А В Назаренко в основном согласна Т Н Джаксон Дж а к с о н Т Н Исландские королевские саги С 161 (сомнения Т Н Джаксон связаны с фигурой Ингигерд исследователь допускает, что участие Ингигерд в событиях — плод вымысла составителей саги (С 170—171, коммент 42) Но, во-первых, А В Назаренко приводит целую систему доказательств, учитывающих как скандинавские датированные события, так и русские, во-вторых, как раз в случае с Ингигерд от саги можно ожидать большей точности, ибо речь идет о соотечественнице и героя, и самих авторов саги)

<sup>57</sup> См Дж а к с о н Т Н Исландские королевские саги С 168—169, коммент 36

<sup>58</sup> Там же С 87

<sup>59</sup> Е А Рыздзевская указывает «Скандинавский обычай пересылать по округу из одного селения в другое стрелу как знак призыва на войну или тинг» (Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв (Материалы и исследования) М., 1978 С 93, примеч 8)

теперь готовы зайти Бурицлаву в тыл; шатры же их останутся на месте, ложно подтверждая их присутствие в стане. Ярослав с новгородцами должен как можно скорее подготовиться к бою.

Победа была одержана благодаря, разумеется, необычайной воинской находчивости и доблести варягов. Эймунд самолично убил «так много людей, что было бы долго писать все их имена». «Большинство (какое большинство — варяжское? новгородское?) приписывает победу Эймунду и норманнам» (Прядь. С. 108—109).

С русскими источниками совпадает лишь самый общий контур ситуации: сражение между двумя русскими князьями на реке. Все остальное больше или меньше расходится. Инициатором конфликта оказывается Бурицлав (здесь он — несомненно Святополк), тогда как в русских источниках Ярослав сам набрал войско и двинулся на Киев. Сага не помнит названий ни реки, ни города, вблизи которых войска встретились (кстати, Любеч — это почти предместье Киева, т. е. Ярослав и новгородцы уже подступали к Киеву). Войска бездействуют разные сроки: три месяца в летописях и четыре дня в саге. Нет ничего общего в военно-тактических приемах ни с НПЛ, ни с ПВЛ. Вытеснение противника на ломающийся лед (ПВЛ) или подвязывание платков для опознания своих (НПЛ) должны бы, казалось, удержаться в саге, любящей такого рода детали. Отсутствует указание на то, что настали холода, и Днепр стал замерзать (это есть и в НПЛ, и в ПВЛ), причем в ПВЛ это не просто метеорологическое, а сюжетно значимое сообщение. Выделение норманнов как решающего элемента победы простительно для скандинавской саги.

Сага, записанная почти через 300 лет после событий, не могла удержать действительных реалий происходящего и рассказала главным образом о необычайной сметливости и доблести Эймунда.

Русские источники отстают от событий на 80—100 лет, при этом не исключено, что у летописцев конца XI—начала XII в. были в руках какие-то первичные письменные документы, созданные если не по горячим следам событий, то и не слишком далеко от них. Отличия в подробностях между НПЛ и ПВЛ вполне объяснимы. Бой, по всей вероятности, не был скоротечным, и разные информаторы передали разные его этапы, т. е. не исключена ночная вылазка новгородцев — нечто вроде разведки боем, внесения паники в ряды противника и его изматывания (НПЛ), а затем основное сражение на рассвете (ПВЛ).

Второй военный эпизод саги посвящен обороне города от нападения Бурицлава с «бьярмами». Этот эпизод соотносят с нападением печенегов на Киев в 1017 г. Однако рассказ саги плохо согласуется с русскими реалиями. Если считать, что Бурицлав напал на Киев, то огромный этот город<sup>60</sup> никак нельзя

---

<sup>60</sup> Послушаем голос очевидцев (Титмар, видимо, передает впечатления саксонских рыцарей, побывавших в Киеве вместе с войском Болеслава): «В этом большом городе, являющемся столицей того королевства, имеется более четырехсот церквей и восемь рынков, народу же неведомое множество, до сих пор этому городу, как и всему тому краю, силами спасающихся бегством рабов, стекавшихся сюда со всех сторон, а более всего силами стремительных данов удавалось противостоять весьма разорительным набегам печенегов, а также побеждать другие [народы]» (Титмар. С. 143).

было в короткое время окружить ровом с водой и скрыть ров так, чтобы казалось, «будто земля цела» (Прядь. С. 111). Работы такого масштаба, видимо, нельзя было бы провести за несколько дней и вокруг Новгорода. Варяги мыслят масштабами небольшого «гарда», такого, стены которого можно обложить деревьями ветками наружу, чтобы «нельзя было стрелять вверх в город» (Там же). Здесь же есть еще одна замечательная выдумка. Чтобы заманить падких на драгоценности «бьярмийцев»<sup>61</sup> в ров, Эймунд распорядился вывести на городские стены женщин, украшенных драгоценностями. Все это — занимательная литература,<sup>62</sup> мало относящаяся к событиям на Руси. Единственный момент, связанный с реалиями, — это ранение Ярицлейва в ногу. Но Ярослав был уже хром до того (шутка киевлян о «хромце» перед Любечской битвой 1016 г.); «второе, травматическое повреждение правой ноги у Ярослава произошло, по исследованию А. Г. Рохлина, позже того времени, о котором повествуют летопись и сага».<sup>63</sup> Кроме того, если исходить из ситуации 1017 г., то Ярослав, по сведениям НПЛ и Титмара,<sup>64</sup> в момент предполагаемого нападения печенегов на Киев сам осаждал Берестье, и, может быть, набег печенегов сорвал его нападение на Польшу. Видимо, Ярослав вернулся к Киеву и отогнал печенегов, т. е. князь действовал извне, он не был внутри города. Так что рассказ саги о том, как Ярицлейв был ранен в бою, обороняя ворота, и Эймунд поспешил ему на помощь и переломил опасную ситуацию, перебив бьярмов, — это все о чем-то другом.

Отождествление «города» саги с Киевом проблематично еще и потому, что сага нигде не рассказывает о том, что Ярицлейв и Эймунд захватили Киев (владение Бурицлава как бы переходит к Ярицлейву только после убийства первого). Создатели саги хорошо осведомлены о том, что Кэнугард (Киев) — главный город и «лучшее княжество во всем Гардарики», и потому, если бы под городом, обороняемым Ярицлейвом и Эймундом, имелся в виду Киев, непре-

<sup>61</sup> Так здесь определяется национальная принадлежность приведенного Бурицлавом войска; полагают, что под «бьярмами», возможно, имелись в виду печенеги (Джаксон Т Н Исландские королевские саги С 166, примеч. 32; осторожнее с. 167—168, примеч. 33), но скандинавы, проходящие Русь из «Варяг в Греки», должны были знать и тех и других. Во всяком случае, «бьярмов» и «тюрков» сага различает уверенно, см. Там же С 110—111 и 112. Бьярмаланд упоминается во многих королевских сагах, причем как то место, где добывается пушнина «Однажды конунг Харальд говорит, что он хочет отправить Хаука на север в Бьярмаланд, чтобы добыть меха» (Джаксон Т Н Исландские королевские саги о восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) М., 1993 С 91). Поэтому, вероятно, можно отождествить Бьярмаланд с Биармией русских летописей.

<sup>62</sup> О литературных истоках мотивов рытья рва и выставления драгоценностей см. Джаксон Т Н Исландские королевские саги (1994) С 166—167, коммент 33.

<sup>63</sup> Со ссылкой на Е. А. Рыдзевскую Джаксон Т Н Исландские королевские саги (1994) С 168, примеч. 34. Н. Н. Ильин пытается оспорить заключение А. Г. Рохлина и доказать, что ранение в ногу могло иметь место в 1017 г. Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года С 124—125.

<sup>64</sup> НПЛ (С 180) «Ярослав иде к Берестию, и заложена бысть святыя Софя в Киве», Титмар С 140. Комментарий см. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники С 157—160, коммент 42, с. 183—184, коммент 86.

менно раньше было бы рассказано о *доблестном захвате Кэнугарда=Киева*: такой факт сага не могла бы обойти молчанием.

Первое столкновение с Бурицлавом, по саге, происходит где-то недалеко от Хольмгарда (Новгорода), и после победы «отправились они (Ярицлейв и Эймунд. — *А. Ш.*) домой в свое княжество» (Прядь. С. 109). И по дальнейшему изложению в саге видно, что никуда из Хольмгарда они не выходили. Так что и здесь связь с русскими источниками (и с русскими событиями) сводится только к тому, что Ярослав был хром, — и ничего более.

Сага не «знает» о наступлении в 1018 г. польской армии во главе с Болеславом и Святополком, о разгроме русского войска на Буге, о победоносном проходе завоевателей до Киева и легком взятии столицы, а также и о последующем избиении польских отрядов и поспешном возвращении Болеслава в Польшу. Этот важнейший ряд событий «выпущен» сагой. Выпущен, как полагают практически все исследователи, только потому, что здесь Ярослав и сопутствующие ему варяги терпели поражения — стало быть, не о чем было рассказывать, ибо сага должна повествовать только о доблестях Эймунда. Если это так, то уже одно это показывает, какова цена саги как исторического источника. Русские летописи честно рассказывают не только о победах, но и о поражениях и отдают должное врагам (см. уважительные слова о Болеславе: «Бе бо Болеслав велик и тяжек, яко и на кони не могы седети, но бяше смыслен»). По нашему же мнению, Эймунд вовсе не принимал участия в этих событиях, ибо его отряд прибыл к Ярославу только в 1019 г. К предшествующим победоносным для Ярослава акциям, они, так сказать, «примазались» художественными средствами (тем более, что отряд варяжских наемников был у Ярослава и до Эймунда, по крайней мере с 1014 г., когда он готовился к отпору киевского войска своего отца), к поражению же «примазываться», разумеется, не имело смысла.

Следующий подвиг варягов — убийство Бурицлава. Поскольку именно этот эпизод дает основные поводы для ревизии русской истории, остановимся на нем подробнее.

С момента прибытия Эймунда к Ярицлейву прошло, видимо, около трех лет. Услуги варягов становятся для русского князя обременительными. Ярицлейв не хочет отдавать оговоренную плату воинам Эймунда, ибо ему кажется, что его главный враг, Бурицлав, убит и что теперь в помощи варягов большой нужды нет. Однако Эймунд резонно спрашивает Ярицлейва о том, знает ли он, где могила Бурицлава (ложные слухи о смерти Бурицлава появлялись и раньше), а затем сообщает, что Бурицлав по-прежнему жив и «опасен, и был в Тюрк-ланде зимой, и намерен еще идти войной на вас, и у него с собой войско, которое не станет бежать, и это — тюрки и блокумен<sup>65</sup> и многие другие злые народы. И слышал я, что похоже на то, что он отступится от христианства, и со-

<sup>65</sup> По мнению комментаторов, название «тюрки» здесь заменило имя «печенегов», а «блокумен» — вероятно, «валахи». См.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... (1994). С. 168, примеч. 35.

бирается он поделить страну между этими злыми народами...» (Прядь. С. 112). Добившись от Ярицлейва большей покладистости, Эймунд задал конунгу еще один вопрос: «Но как же быть, господин, если мы доберемся до конунга, — убить его или нет? Ведь никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ответ Ярицлейва уклончив: «Не стану я ни побуждать людей к бою с Бурицлавом конунгом, ни винить, если он будет убит» (Прядь. С. 113). Вскоре стало известно, что Бурицлав со многими злыми народами вторгся в Гардарики, а варяги Эймунда, зная об этом, почему-то совершенно пренебрегали подготовкой к неизбежному сражению с Бурицлавом.

Далее рассказывается, как 12 варягов во главе с Эймундом, снарядившись купцами, выехали из города. Эймунд отыскал поле, где, по его разумению, войско Бурицлава должно будет остановиться на ночлег; более того, он сумел определить место, где Бурицлав поставит свой шатер. Вблизи этого места варяги пригнули к земле и закрепили в согнутом состоянии дерево. Разумеется, расчеты Эймунда оправдались, и Бурицлав поставил свой шатер именно там, где было определено «прозорливым» варягом.

Переодевшись нищим и привязав себе козлиную бороду, Эймунд отправился в стан Бурицлава, выпросил там еды и питья, а заодно высмотрел, где именно в шатре располагается ложе конунга. После того как утомленные дорогой и напитками воины Бурицлава уснули, Эймунд с товарищами набросили и закрепили на верху шатра Бурицлава веревку, привязанную другим концом к согнутому дереву (технические детали в саге прописаны очень подробно). По сигналу удерживающие дерево веревки были перерублены, и шатер, сорванный стремительно выпрямившимся деревом, был отброшен далеко в лес. Используя панику, Эймунд не только убил Бурицлава, но и сумел отрезать ему голову и унести ее. Голову Эймунд предъявил Ярицлейву, и, увидя ее, конунг покраснел.

Эймунд просчитал и то, что в окружении Бурицлава начнется взаимное подозрение в убийстве, и это приведет к раздору и распаду войска, и потому, когда варяг вернулся к месту своих ночных подвигов (Ярицлейв попросил Эймунда позаботиться о захоронении Бурицлава), никого возле обезглавленного тела конунга не оказалось. Варяги «обрядили его, и приложили голову к телу, и повезли домой. О погребении знали многие. Весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем» (Прядь. С. 113—115).

Вот этот замечательный скандинавский детектив XIII в. и стал основным материалом для обвинений Ярослава в убийстве Бориса. В самом деле, очевидные черты сходства есть: созвучие в именах Бориса и Бурицлава и обстоятельствах убийства (шатер, ночь, варяги, отрезанная голова, перевозка тела). Но то, что противоречит отождествлению Бориса с Бурицлавом, существенно не менее. Во-первых, Бурицлав устами Эймунда назван старшим сыном Владимира, что сразу отсылает к Святополку, а не к Борису. Во-вторых, Бурицлав связан с «тюрками», которых исследователи отождествляют с печенегами (название «тюрки», ставшее широко известным к концу XII в., перешло на печенегов — тюрок X—XI вв.). О печенежских связях Бориса нам не известно ничего, тогда как печенежские связи Святополка подтверждены источниками. Почти едино-

душно мнение, что именно Святополк был тем заложником, которого Владимир отправил к печенегам в результате мира, заключенного с последними Бруно Кверфуртским.<sup>66</sup> Титмар Мерзебургский неоднократно упоминает о печенежских связях тестя Святополка — Болеслава Храброго. Печенегов польский король использовал для мщения за арест Святополка и своей дочери. Наконец, русская летопись свидетельствует, что к печенегам Святополк убегает, когда Ярослав вторично изгоняет его из Киева, и с печенегами Святополк приходит на Ярослава в 1019 г. (ПВЛ. С. 97).

Кроме того, стоит поставить и такой вопрос: смогла ли бы русская православная церковь признать святым человека, намеревающегося переменить веру? Ведь о Бурицлаве сага говорит, «что похоже на то, что он отступится от христианства, и собирается он поделить страну между этими злыми народами...» (Прядь. С. 112). Если же под Бурицлавом иметь в виду Святополка, то, учитывая, во-первых, его печенежские связи (несколько лет жизни у кочевников), во-вторых, брак с дочерью князя «латинской» веры и близость к католическому священнику (Рейнберну, арестованному Владимиром вместе со Святополком), можно признать небезосновательными соображения о возможном отступничестве от православной веры.

Чистой «литературой» выглядит то, как Эймунд неизвестно откуда «узнал» место стоянки войска и «вычислил» расположение шатра Бурицлава. Точность тут должна исчисляться едва ли не сантиметрами, ибо варяги заранее пригнули дерево, сорвавшее шатер:<sup>67</sup> представить такое в реальной ситуации свободно передвигающегося в пространстве войска, которое может выбрать для ночлега любое место, тем более допустить возможность точного расчета расположения княжеского шатра, нельзя.

«Литературно» и посещение переодетого нищим Эймунда стана Бурицлава<sup>68</sup> (в комментарии не отмечена ближайшая параллель: прохождение сквозь печенежский стан юноши-киевлянина в летописи — НПЛ. С. 118). Внутри эпизода в саге есть противоречие, точнее, отсутствие должной мотивировки: каким образом «нищего» впустили в княжеский шатер, так что он сумел высмотреть расположение ложа конунга? Летопись, например, мотивирует возможность прохождения юноши сквозь стан врага тем, что он «умея велми печенежским языком». Почему «тюрки» и «блокумень» Бурицлава должны были поверить варягу Эймунду и впустить его в нищенском облике с приклеенной козлиной бородой в шатер к князю, остается неясным.

Трудно поверить и в то, что Эймунд сумел не только убить Бурицлава, но и на глазах слуг и охраны князя отрезать ему голову, спрятать ее и пронести в лес. Даже атмосфера паники, вызванная срывом шатра, не мотивирует возможности столь дерзких и удачливых действий.

<sup>66</sup> Латиноязычные источники по истории Древней Руси... С. 49—51, 56, примеч. 14.

<sup>67</sup> О литературных истоках этого мотива см.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... (1994). С. 169, примеч. 38.

<sup>68</sup> Там же. Примеч. 37.

Сильной деталью, должной вызывать доверие к рассказу, является то, что Ярицлейв, увидев голову Бурицлава, «покраснел». Но вот в другой саге можно прочесть о том, как в бою Хакон одолел Асмунда. «Тут пал Асмунд. Хакон отрубил ему голову. Затем Хакон поспешил к Свейну конунгу и прибыл к нему в то время, когда конунг сидел за столом. Хакон подошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнает ли он ее. Конунг не отвечал, но густо покраснел».<sup>69</sup> Так что и этот мотив может быть отнесен к «литературным» и к тому же близким автору «Пряди об Эймунде».

Как мы уже отмечали, по русским источникам убийство Бориса и Глеба совершается тотчас по смерти Владимира в пределах 1015 г., после чего разворачивается достаточно длительная война Святополка и Ярослава. В «Пряди об Эймунде» эпизод убийства Бурицлава завершает длительные военные действия между ним и Ярицлейвом, т. е. последовательность обратная, если под этим убийством иметь в виду изображение убийства Бориса по инициативе Ярослава. Никаких убедительных аргументов в пользу переноса убийства Бориса приблизительно в 1018 г. не высказано. Кроме того, убийство Бориса и Глеба — так сказать «парное» событие, нераздельное. Если сага рассказывает об убийстве только одного — значит, это о чем-то другом.

Существенным аргументом, который дружно обходят все «подозреватели» Ярослава (за исключением Н. Н. Ильина), является именование в русских источниках убийц Бориса, к которым обратился Святополк. Нестор в «Чтении» имен не упоминает, но «Сказание» и летописи знают конкретные имена: «Насуноша копии оканьнии Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько» (Сказ. С. 336); «Суть же имена сим законопреступником: Путьша, Талець, Оловиць, Ляшко; отец же их сатана» (НПЛ. С. 172). Известно также, что Глеба зарезал повар по имени Торчин по приказу некоего Горясера (Сказ. С. 342; ПВЛ. С. 93). Без критики этих имен, напрочно связанных со Святополком, переадресовку преступления считаем преждевременной. Н. Н. Ильин, как отмечалось, то слышит в именах славянские корни, то видит в них, вышгородских боярах, группу, идентичную норманнам Эймунда.

Наконец, как указывалось выше, Эймунд не мог прибыть на Русь раньше 1019 г. Следовательно, он не мог принимать участия в событиях, происходивших ранее этого года. Варяги Эймунда могли быть использованы Ярославом в военных действиях против Святополка на последнем этапе борьбы с ним, а затем против Брячислава, против Мстислава, но не против Бориса. Летописи сообщают о том, что после поражения на Буге в 1018 г. новгородцы пресекли намерение Ярослава уйти «за море» к варягам и собрали деньги на продолжение войны со Святополком и Болеславом. На эти деньги был нанят варяжский отряд: «И приведоша варягы, и вдаша им скот (деньги), и совокупи Ярослав вои многы» (ПВЛ. С. 97). Это и может быть моментом прибытия Эймунда на Русь. ПВЛ датирует событие 1018 г., но, скорее всего, это могло иметь место в 1019 г.: поражение на Буге произошло летом 1018 г. (по Титмару — 22 июля), от юго-

<sup>69</sup> Снорри Стурлусон. Круг земной. С. 430 (параллель указана Т. Н. Джаксон).

западных рубежей Ярославу надо было потратить значительное время, чтобы добраться до Новгорода (к тому же у Титмара есть сообщение, что в это время Ярослав захватил какой-то город Святополка), затем акции новгородцев, переговоры с варягами — на все это должно было уйти время, так что весна 1019 г. — наиболее вероятное время прибытия Эймунда. Смещения на год — на два для событий начала XI в. нередки в летописи.

Варяги Эймунда, вероятно, что-то слышали об убийстве сына Владимира, в котором, кстати, также принимали участие какие-то варяги, но варяги Святополка, а не Ярослава. Видимо, в художественном осмыслении событий после смерти Владимира варяги примерили эти события на себя, тем более что литературные шаблоны у них под руками были. По оценке современных авторитетных исследователей, «весь эпизод убийства Бурицлава состоит из цепочки традиционных мотивов, а его кульминация (демонстрация отрубленной головы. — *А. Ш.*) является переложением фрагмента более ранней и известной саги («Саги о Харальде Суровом». — *А. Ш.*). В нем не просматривается никаких реалий, которые могли восходить к рассказам о действительных событиях».<sup>70</sup> Суждение это — может быть, слишком строгое. В свое время М. И. Стеблин-Каменский ввел применительно к сагам продуктивное понятие «синкретической правды», хорошо проясняющее степень «достоверного» в сагах: «Вымысел в сагах — это, так сказать, скрытый вымысел, т. е. такой вымысел, который те, кто создавали саги, считали возможным позволить себе, оставаясь в пределах правды. Синкретическая правда <...> включала в себя и то, что с современной точки зрения только правдоподобно, только художественная правда, а не правда в собственном смысле слова».<sup>71</sup> Поэтому по меньшей мере наивно искать в сагах точных соответствий реальным событиям, но чему-то реальному все же сага должна была отвечать. Варяги Эймунда, видимо, действительно принимали участие в убийстве какого-то «конунга» и брата Ярицлейва. Им, скорее всего, и был Святополк, представляющий реальную опасность для Ярослава, ибо победы над ним не приводили к устойчивой ситуации, и Святополк вновь с очередными наемниками угрожал Киеву. Кстати, если под Бурицлавом иметь в виду Бориса, то где же тогда Святополк? Какую реальность тогда отражает сага? Ибо достоверно известно только то, что со Святополком, а не с Борисом, сражался Ярослав поздней осенью 1016 г., от него и Болеслава потерпел поражение в 1018 г. (о чем согласно сообщают и русские источники, и Титмар), вновь его же изгнал из Киева и вновь с ним и с приведенными им печенегами принужден был сражаться в 1019 г. Если под Бурицлавом понимать Бориса, то для этого реального Святополка в саге не остается места, и тогда она рассказывает вообще неизвестно о чем, но если же Бурицлав — обобщенный образ врага Ярицлейва, включающий в себя и Святополка, то сага методом «синкретической правды» соотносится с известными событиями. Вот этого Бурицлава=Свято-

<sup>70</sup> Глазырина Г. В., Джексон Т. Н., Мельникова Е. А. Были Ярослав убийцей своего брата? // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под. Ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 522.

<sup>71</sup> Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971. С. 23.

полка (по поводу взаимоотношений которого с Ярицлейвом Эймунд справедливо сказал: «никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы»), очевидно, и убили варяги. О смерти Святополка ничего внятного в русских источниках нет. Вполне возможно при этом, что на изображение убийства Бурицлава в саге наложились бродячие мотивы, связанные с убийством Бориса, слухи о котором должны были ходить в эти годы и в котором также принимали участие какие-то варяги, служившие Святополку.

Давно обнаружены иные параллели русским повествованиям о событиях 1015 г. Н. Н. Ильин продемонстрировал несомненное сходство между «Сказанием о Борисе и Глебе» и текстами об убийстве чешского князя Вячеслава.<sup>72</sup> Прежде всего отметим, что братоубийца здесь имеет имя Болеслава. Бурицлав саги, как мы уже указывали, отождествляется многими исследователями со Святополком и одновременно с Болеславом, своим союзником и родственником.<sup>73</sup> При этом Н. Н. Ильин показывает, что уже древнерусские, правда позднейшие, авторы проводили прямую параллель между чешским братоубийцей Болеславом и Святополком, а также и между их жертвами.<sup>74</sup> Поэтому в скандинавском Бурицлаве мог отразиться и чешский Болеслав=Святополк. По наблюдениям Н. Н. Ильина, автор исходного повествования о Борисе и Глебе взял готовую структуру чешского жития, заменил Болеслава Святополком, Вячеслава Борисом, перенес действие в Киев, Вышгород, на Альту, но сохранил многие элементы структуры своего источника. «В преданиях о Вячеславе, равно как и в повествованиях об убийстве Бориса и Глеба, находим: и ночное совещание братоубийцы с сообщниками, и коварные его предложения своей жертве, и предостережения, которые получал последний от своих доброжелателей; детали обстановки убийства совпадают: ночь, предсмертная заутреня, избиение и ограбление приближенных князя и даже само убийство не сразу, а как бы в два приема; о гибели убийц Вячеслава сообщается почти в тех выражениях, как о гибели Святополка; чудесные явления, благодаря которым было обретено тело Глеба, таковы же, как знамения, которыми обнаружило себя тело бабки Вячеслава, Людмилы».<sup>75</sup> Отсюда видно, сколь сомнительны прямые заключения от литературного произведения к исторической действительности. Так, например, столь озадачивающее исследователей удвоение убийства Бориса может быть объяснено литературным заимствованием. В житии Вячеслава жертву сперва бьет мечом сам Болеслав (брат Вячеслава); братья начинают бороться, подбегавший Тужа рассекает руку Вячеславу, и тот, бросив брата, бежит к церкви; люди Болеслава, Честа и Тира, догнав раненого князя, поражают его в церковных дверях. Все это действительно напоминает убийство Бориса в «Сказании», где князя убивают «трижды»: 1) в шатре; 2) около шатра (будучи смертельно ранен, «в оторопе» Борис выскочил из шатра); 3) по дороге между Альтой и

<sup>72</sup> Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года С 44—70

<sup>73</sup> См. Джексон Т. Н. Исландские королевские саги (1994) С 162—163, примеч 9, с 169—170, примеч 170

<sup>74</sup> Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года С 52

<sup>75</sup> Там же С 53

Вышгородом. Этому последнему в житии Вячеслава может соответствовать рассечение тела Вячеслава уже после его убийства.<sup>76</sup>

Наконец, противоречит реальной русской истории перекраивание героями саги власти в русских землях. Эймунд от Ярицлейва перешел на службу к Вартилаву (в котором исследователи усматривают Брячислава Изяславича — племянника, а не брата, как в саге, Ярослава Владимировича; не исключено, что одновременно в нем мог отразиться и Мстислав Владимирович<sup>77</sup>). В результате «спецоперации», наподобие той, в которой Эймунд вычислил расположение шатра Бурицлава, варягам удалось пленить жену Ярицлейва Ингигерд (Эймунд «вычислил», где княгиня будет проезжать, и в ночной темноте викинги с легкостью перехватили ее). Это подвигло новгородского конунга к уступчивости. По дележу, произведенному самой Ингигерд, Ярицлейв остался в Хольмгарде (пилюля подслащена тем, что теперь Хольмгард величается «лучшей частью Гардарики»), Вартилав получает Кэнугард — «другое лучшее княжество с даями и поборами», а Эймунду достается Палтескью, которым раньше владел Вартилав (сага стремится остаться в границах реального и потому оговаривает, что княжество переходит как бы в лен: если Эймунд не оставит наследников, то княжество вернется к братьям). Но как бы там ни было Эймунд в саге получает часть Руси (Гардарики) и становится «над нею конунгом», а заодно и «министром обороны» всей Руси: «будет также держать у них оборону страны и во всем Гардарики», а Ярицлейв и Вартилав должны лишь «помогать ему военной силой и поддерживать его» (Прядь. С. 118).

Ничего подобного в реальной русской истории не было. Ни Брячислав Изяславич, ни Мстислав Владимирович, усматриваемые за Вартилавом саги, не становились киевскими князьями, в Полоцке непрерывность власти самих полоцких князей не прерывалась во всем XI столетии, наконец, Брячислав Изяславич умер в 1044 г., тогда как сага хоронит Вартилава через три зимы после описанных событий, т. е. в пределах до 1025 г. (если исходить из внутренней хронологии саги). После этого, по саге, власть над обоими княжествами, Хольмгардом и Кэнугардом, переходит к одному Ярицлейву, тогда как в реальной русской истории это произошло только в 1036 г. после смерти Мстислава Владимировича. «Реальности» в саге свои, отвечающие идейному строю литературного произведения; с реалиями той действительности, из которой вырастает сага, они лишь соприкасаются, но не более того.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что для ревизии русской истории, переадресовки убийства Бориса и Глеба, очернения не только Ярослава, но и самих святых братьев оснований нет. Оставим все, как есть.

<sup>76</sup> Житие Вячеслава Чешского // БЛДР. Т. 2: XI—XII вв. СПб., 1999. С. 172.

<sup>77</sup> Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... (1994). С. 163, примеч. 11.